

День десятый.

Въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ Памфило, разсказывается о замѣчательныхъ проявленіяхъ дружбы, великодушія и другихъ возвышенныхъ чувствъ.

Солнце только начало показываться на горизонтѣ, когда король всталъ и приказалъ созвать дамъ и юношей. Когда все собрались и выбрали мѣсто, куда направиться для развлечения, король, сопровождаемый Филоменой, и Фіаметтой, тихими шагами направились впередъ, за ними шли остальные, бесѣдуя о предстоящихъ удовольствіяхъ текущаго дня.

Послѣ продолжительной, но чудной прогулки, общество вернулось въ замокъ, чтобы укрыться отъ жары, которая становилась невыносимой. Собравшись у фонтана, все зачерпнули прохладной влаги. Затѣмъ общество отправилось гулять въ тѣни деревьевъ въ ожиданіи обѣда. Отдохнувъ послѣ ѣды, все собрались въ указанномъ королемъ мѣстѣ и онъ приказалъ Нейфиле начать первую новеллу сегодняшняго дня, и та весело начала такъ:

Новелла I.

Рыцарь Руджіери.

Одному флорентинскому рыцарю, находящемуся на службѣ у испанскаго короля, кажется, что тотъ недостаточно вознаградилъ его. Король объясняетъ, что это произошло не по его винѣ, а вслѣдствіе злой судьбы, и затѣмъ щедро награждаетъ рыцаря.

Дабы оказаться хотя бы отчасти достойной чести, оказанной мнѣ королемъ, приказавшимъ мнѣ начать новеллы сегодняшняго дня, я разскажу вамъ про одинъ случай щедрости и великодушія, которыя придаютъ блескъ добродѣтелямъ, подобно солнцу, распространяющему красоту и свѣтъ на небѣ.

Мессиръ Руджіери былъ одинъ изъ самыхъ любимыхъ и храбрыхъ рыцарей Флоренціи, быть можетъ онъ былъ сверхъ того однимъ изъ самыхъ честныхъ людей, которыми она могла гордиться. Будучи очень богатымъ и сгорая желаніемъ прославиться, онъ видѣлъ, однако, что Тоскана неподходящая для его мечтаній страна и рѣшилъ поэтому поступить на службу къ королю испанскому Альфонсо, слава котораго превосходила по слухамъ достоинства всѣхъ сосѣднихъ государей. И вотъ въ сопровожденіи огромной свиты онъ отправился въ Мадридъ, гдѣ былъ весьма любезно принятъ королемъ.

Онъ блестяще жилъ при его дворѣ, отличился многими храбрыми подвигами и въ скорости приобрѣлъ славу доблестнаго рыцаря. Но изучивъ характеръ и образъ дѣйствій короля, Руджіери замѣтилъ, что онъ довольно нецѣлесообразно расточалъ свои милости и не всегда по заслугамъ. Замки, помѣстья, титулы раздавались неизвѣстнымъ людямъ, единственныя заслуги которыхъ были интриги. Руджіери зналъ себя, зналъ, чего онъ стоитъ, и видя, что при раздачѣ милостей его забываютъ,

рѣшилъ, что такого рода невниманіе какъ бы несправедливо оно ни было, все-таки является оскорбленіемъ для его чести. И вотъ онъ рѣшилъ уѣхать.

Онъ попрощался съ королемъ, который даже не удерживалъ его, подаривъ на прощанье самаго превосходнаго мула, какой только у него былъ на конюшнѣ, такъ что лучшаго для предстоящаго путешествія Руджіери и не могъ себѣ пожелать. Кромѣ того, король поручилъ одному изъ своихъ придворныхъ, въ умѣ и скромности котораго былъ увѣренъ, сопровождать рыцаря, но такъ, чтобы тотъ не зналъ, что это происходитъ по его порученію. Король приказалъ придворному, чтобы тотъ внимательно слушалъ и запомнилъ все, что рыцарь говоритъ о немъ и послѣ того, какъ тотъ выскажетъ свое мнѣніе о королѣ, привести его подъ какимъ нибудь предлогомъ во дворецъ.

Придворный отлично сыгралъ свою роль. Онъ улучилъ моментъ, когда рыцарь выѣхалъ изъ города, послѣдовалъ за нимъ и догнавъ сумѣлъ убѣдить, что также ѣдетъ въ Италію, и продолжалъ ѣхать вмѣстѣ, какъ попутчикъ. Сначала они говорили о разныхъ разностяхъ, но послѣ девяти часовъ вечера придворный сказалъ Руджіери.

— Мнѣ кажется, что пора дать отдохнуть нашимъ животнымъ.

Попутчики заѣхали въ гостиницу, гдѣ всѣ животныя совершили естественныя отправления, кромѣ мула рыцаря, на что послѣдній обратилъ вниманіе. Отдохнувъ и отпавившись въ путь, они подъѣхали къ рѣчкѣ и рѣшили напоить животныхъ. Всѣ мулы напились, только мулъ Руджіери сдѣлалъ то, что другія животныя сдѣлали во время стоянки.

— Проклятое животное!—воскликнулъ рыцарь,—у него характеръ хозяина, который мнѣ его подарилъ.

Придворный запомнилъ эти слова, онъ уже и раньше слышалъ отъ Руджіери много фразъ насчетъ короля, но всѣ были къ чести послѣдняго.

На другое утро онъ пригласилъ Руджіери вернуться.

Говорятъ, что онъ не могъ убѣдить рыцаря принять это приглашеніе и долженъ былъ прибѣгнуть къ приказу короля, и рыцарь повиновался.

Альфонсо, предупрежденный уже о сравненіи, сдѣланномъ Руджіери, приказалъ ему явиться, любезно встрѣтилъ его и спросилъ, почему тотъ сравнилъ его съ муломъ.

— Государь!—отвѣтилъ тосканецъ безъ смущенія,—я сдѣлалъ такое сравненіе, ибо считалъ его справедливымъ. И дѣйствительно, мулъ мой отправляя свои потребности не въ надлежащемъ мѣстѣ, и не сдѣлалъ этого тамъ, гдѣ нужно было. И вы раздаете свои милости, когда не нужно, и воздерживаетесь отъ нихъ именно тогда, когда это умѣстно, ибо расточаете ихъ недостойнымъ и забываете о достойныхъ.

— Мой дорогой Руджіери,—отвѣтилъ король,—если я не осыпалъ васъ своими милостями, то вовсе не потому, что считалъ васъ менѣе

достойнымъ, чѣмъ большинство тѣхъ, которые ихъ получали. Я отлично знаю ваши заслуги и отдаю дань справедливости вашей доблести, но ваша несчастливая звѣзда всегда мѣшала мнѣ исполнить мою добрую волю. Ее, а не меня вы должны обвинять, и я хочу вамъ дать этому доказательство:

— Государь!—возразилъ тосканецъ. —Если я жалуясь на то, что обиженъ вашими милостями, то вовсе не потому, что стремлюсь къ увеличенію своихъ богатствъ, но потому, что эта забывчивость, казалось, унижала мои заслуги и парализовала мои желанія заслужить ваше одобреніе.

Король повелъ его въ большую залу, гдѣ, по его приказу, стояли два закрытыхъ сундука. Затѣмъ въ присутствіи многихъ придворныхъ онъ обратился къ нему съ такой рѣчью:

— Въ одномъ изъ этихъ сундуковъ находится моя корона, скипетръ и самыя дорогія драгоценности, а другой наполненъ землей. Выбирайте любой, я вамъ дамъ тотъ, на который вы укажете. Вы увидите, кто виноватъ въ оказанной вамъ несправедливости: ваша судьба или я!

Руджіери повиновался, и король приказалъ открыть сундукъ, выбранный тосканцемъ: въ немъ оказалась земля.

— Теперь вы видите,—засмѣялся король,—что мое мнѣніе о вашей звѣздѣ правильно, но ваши доблести заслуживаютъ того, чтобы я исправилъ несправедливость рока. Я знаю, что вы не хотите остаться въ Испаніи, и поэтому не дарю вамъ ни замка, ни помѣстья, но я желаю, чтобы вы владѣли сундукомъ, въ которомъ вамъ отказала фортуна. Возьмите его съ собой и пусть онъ будетъ, какъ для васъ, такъ и для вашихъ приближенныхъ доказательствомъ вашихъ заслугъ и моего умѣнія вознаграждать таковыя.

Руджіери принялъ подарокъ, поблагодарилъ короля и отправился съ радостнымъ сердцемъ на родину.

Новелла II.

Гино ди Такко.

Гино ди-Такко захватываетъ въ плѣнъ аббата Ключійскаго и, излечивъ его отъ желудочной болѣзни, отпускаетъ на свободу. Аббатъ возвращается въ Римъ, примиряетъ Гино съ папой Бонифаціемъ, который даетъ ему приорство ордена страннопріемныхъ братій.

Всѣ восторгались великодушіемъ Альфонсо, въ особенности королю оно чрезвычайно понравилось. Наконецъ, онъ повелѣлъ Элизѣ разсказать новеллу и та начала такъ:

Гино ди-Такко, извѣстный своей дерзкой отвагой и разбойническими подвигами, сильно враждовалъ съ графами ди-Санта Фиоре, которые изгнали его изъ Сиэны. Тогда Гино возмущилъ противъ римскаго двора городокъ Радикофани и, основавшись въ немъ, сталъ грабить всѣхъ проѣзжихъ.

Папой былъ въ то время Бонифацій VIII. Ключійскій аббатъ, считавшійся самымъ богатымъ духовнымъ лицомъ, пріѣхалъ на службу къ папѣ. Заболѣвъ тамъ отъ излишествъ желудочной болѣзнию, онъ рѣшилъ отправиться по совѣту врачей на сіенскія минеральныя воды. И вотъ, получивъ папское благословеніе, онъ съ большой пышностью двинулся въ путь, въ сопровожденіи многочисленной свиты и съ богатымъ обозомъ, не обращая вниманія на слухи о набѣгахъ Гино.

Послѣдній, узнавъ о путешествіи прелата, окружилъ его со своими людьми въ одномъ тѣсномъ ущельи со всей его свитой. Затѣмъ послалъ къ аббату одного изъ своихъ приближенныхъ съ приглашеніемъ слѣдовать въ его замокъ. Разсвирѣпѣвшій прелатъ отвѣчалъ, что ничего не имѣетъ общаго съ Гино, и что никто не смѣетъ заграждать ему путь. Посланный смиренно отвѣчалъ:

— Уважаемый отче! Вы находитесь въ такомъ мѣстѣ, гдѣ признается только власть Бога, и никакія церковныя отлученія и проклятія духовныхъ особъ значенія не имѣютъ; и такъ—закончилъ онъ—мнѣ думается, что въ вашей выгодѣ добровольно послѣдовать по приглашенію Гино.

Вооруженная шайка Гино принудила и аббата и всю его свиту отправиться въ замокъ. По прибытіи туда, самого прелата помѣстили въ темную маленькую комнатку, тогда какъ всѣхъ сопровождавшихъ его размѣстили соответственно ихъ чинамъ и званію, а лошадей и муловъ поставили въ конюшни. Когда все было устроено Гино явился къ прелату и сказалъ:

— Отче, вы находитесь въ гостяхъ у Гино, который прислалъ меня спросить васъ, куда и съ какой цѣлью вы путешествуете?

Аббатъ, горькимъ опытомъ узнавшій, что всякое сопротивленіе и не поведетъ ни къ чему, и ставшій скромнѣе, съ готовностью отвѣчалъ на всѣ задаваемые ему вопросы.

Гино задумалъ самъ вылечить аббата безъ всякихъ ваннъ. Во-первыхъ, онъ велѣлъ ежедневно хорошо отапливать его комнатку и никого не допускалъ къ нему. Утромъ онъ самъ явился къ аббату, принесъ въ чистой салфеткѣ два ломтя поджареннаго хлѣба и бокалъ корнелійскаго вина, захваченнаго изъ провіанта св. отца.

— Видите ли, отче,—началъ Гино, почтительно раскланявшись,—въ молодости Гино изучалъ медицину и находить, что предложенная вамъ пища необыкновенно полезна для вашего желудка. Съѣдайте одолженіе, скушайте то, что я вамъ принесъ, и подкрѣните ваши силы.

Прелатъ, котораго изрядно мучилъ голодь, хотя и съ презрительной миной, но все же съѣлъ и выпилъ принесенное. Затѣмъ, онъ завязалъ разговоръ болѣе спокойно, высказалъ нѣсколько замѣчаній и выразилъ желаніе повидать самого предводителя шайки. Гино охотно поддерживалъ эту бесѣду. На утро Гино явился снова съ той же провизіей для аббата. Такъ продолжалось нѣсколько дней. Замѣтивъ, однажды, что св. отецъ отъ голода съѣлъ даже сухіе бобы, которые Гино какъ бы нечаянно оставилъ въ его комнатѣ, разбойникъ спросилъ отъ имени Гино, въ какомъ состояніи его желудокъ.

— О, я былъ бы совсѣмъ здоровъ—отвѣчалъ прелатъ,—еслибы не находился у твоего господина и ѣлъ бы посылкѣ, такъ какъ твое средство въ достаточной степени излечило меня и развило мой аппетитъ.

Гино приказалъ приготовить прекрасную комнату, обставивъ ее мебелью, захваченную въ обозъ прелата, заказалъ великолѣпный обѣдъ, на который пригласилъ главныхъ лицъ города и свиту аббата. Утромъ онъ зашелъ въ келью св. отца и сказалъ:

— Отче, теперь вы чувствуете себя хорошо, пора вамъ выйти изъ лазарета. И взявъ прелата за руку, Гино повелъ его въ залу, гдѣ находились гости и свита.

Наступилъ часъ обѣда, который былъ, дѣйствительно, роскошенъ. Гино, сохраняя инкогнито, сидѣлъ за столомъ противъ аббата. Пиръ этотъ продолжался три дня. Затѣмъ, Гино велѣлъ принести въ залу все пожитки аббата, а лошадей его и муловъ помѣстилъ на дворѣ, куда выходили окна замка. Обращаясь къ прелату, онъ любезно освѣдомился о томъ, что чувствуетъ ли онъ достаточно силы, чтобы продолжать дальнѣйшій путь. Аббатъ отвѣчалъ, что совершенно выздоровѣлъ, и что желудокъ его совсѣмъ въ порядкѣ. Гино повелѣ его въ комнату, гдѣ находился весь багажъ св. отца и вся его свита: затѣмъ подвелъ къ окну и, указывая на его лошадей, сказалъ:

— Отче, знайте, что Гино ди-Такко, который стоитъ передъ вами, вовсе не по злобѣ и не по склонности къ преступленію сдѣлаеся грабителемъ и разбойникомъ, врагомъ папы и его двора, а только ради того, чтобы избавиться отъ недруговъ и поддержать свое существованіе. Меня вынудили бѣжать изъ моей родины, и не имѣя на что существовать я вынужденъ пользоваться благосостояніемъ ближняго. Все ваше имущество тутъ, лошади и мулы, все въ цѣлости; но такъ какъ вы мнѣ кажетесь хорошимъ человѣкомъ и я вылечилъ васъ отъ вашей желудочной болѣзни, то я и предоставляю вамъ самому право вознаграждать меня. Самовольно я ничего у васъ не взялъ: отъ васъ зависитъ оставить мнѣ что-либо или ничего не дать, рѣшайте сами. Съ этой минуты вы совершенно свободны.

Удивленный аббатъ положительно недоумѣвалъ, слышавъ подобныя великодушныя рѣчи отъ разбойника на большой дорогѣ. Это такъ ему понравилось, что забывъ всякую неприязнь къ Гино, онъ сердечно обнялъ разбойника и сказалъ:

— Богъ свидѣтель, что я готовъ былъ бы еще болѣе помучиться, чтобъ заслужить дружбу такого человѣка, какъ ты. Жестокая судьба твоя виновата въ томъ, что ты занялся такимъ позорнымъ ремесломъ!

Сказавъ это прелату, направился въ Римъ, захвативъ только самое необходимое изъ своихъ вещей: большую часть лошадей и багажа онъ оставилъ въ пользу Гино.

Между тѣмъ папа, узнавъ о плѣнѣ своего аббата, очень огорчился. Увидавъ его, онъ заботливо освѣдомился о здоровьи и о томъ, насколько помогли ему предписанныя медиками ванны.

— Ваше святѣйшество—отвѣчалъ аббатъ,—я прежде всего попалъ къ одному очень искусному врачу, который меня положительно вылечилъ.

И при этомъ рассказалъ папѣ о своемъ приключеніи. Послѣдній отъ души смѣялся надъ такимъ счастливо окончившимся походомъ. Аббатъ въ заключеніе просилъ папу оказать ему милость. Его святѣйшество изъявилъ согласіе исполнить всякую просьбу своего прелата.

— Ваше святѣйшество,—сказалъ аббатъ,—молю васъ простить Гино ди-Такко, моего врача, и оказать ему ваши милости; увѣрю васъ,

что нѣтъ болѣе честнаго и достойнаго человѣка, чѣмъ онъ. Если онъ дѣлалъ что-либо дурное, то это происходило только по винѣ дурно сложившихся обстоятельствъ. Измѣните условія его жизни, предоставьте ему возможность жить безбѣдно и соответственно его званію и вы увидите, какимъ достойнымъ человѣкомъ онъ окажется.

Великодушный и любящій дѣлать добро папа разрѣшилъ аббату представить ему его претеже. Гино явился въ Римъ и вполне оправдалъ то довѣріе, какое ему оказали. Папа осыпалъ его своими милостями, сдѣлалъ его рыцаремъ благотворительнаго ордена и даровалъ ему большое пріорство. До конца своей жизни Гино оставался вѣрнымъ и преданнымъ слугою Римской церкви и добраго аббата Клунийскаго.

Новелла III.

Митриданъ и Натанъ.

Митриданъ, завидуя славѣ Натана, хочетъ его убить, и не зная послѣдняго случайно сообщаетъ ему объ этомъ, но встрѣтившись съ нимъ въ лѣсу Митриданъ, устыдившись своего чувства, дѣлается другомъ Натана.

Вся компанія очень удивлялась, выслушавъ разсказъ о поступкѣ аббата Клунийскаго, и положительно считала рѣдкимъ явленіемъ такое великодушіе со стороны духовнаго лица. Затѣмъ король приказалъ Филострато начать свой разсказъ.

— Благородные слушательницы, — сказалъ Филострато, — конечно, вамъ также покажется весьма чудеснымъ и мой разсказъ объ одномъ человѣкѣ, желавшемъ отдать свою жизнь тому, кто жаждалъ его извести. И, конечно, онъ сдѣлалъ бы это, но врагъ его самъ устыдился своего злого намѣренія.

Генуезцы и другіе путешественники, ѣздившіе на востокъ, разсказываютъ, что въ Каттае проживалъ нѣкогда очень богатый человѣкъ, по имени Натанъ, имѣвшій огромное помѣстье вблизи дороги, по которой совершались путешествія съ запада на востокъ и обратно. Натанъ этотъ пользовался репутаціей очень гуманнаго, великодушнаго и щедраго человѣка. Задумалъ онъ далеко прославиться дѣлами благотвори-

тельности и вотъ съ этою цѣлю, собравъ плотниковъ и каменщиковъ, онъ въ короткое время выстроилъ при дорогѣ великолѣпный дворецъ. Обмеллировавъ его роскошно и удобно, онъ сталъ оказывать гостепрѣимство всѣмъ проѣзжавшимъ и проходившимъ мимо путникамъ. Множество слугъ въ замкѣ всегда были въ распоряженіи всякого, вступившаго въ его замокъ. Слава о его гостепрѣимствѣ и благотворительности распространилась не только на востокъ, но и на западъ. Натанъ уже достигъ преклоннаго возраста, когда одинъ богачъ, жившій съ нимъ по сосѣдству, по имени Митриданъ, наслышавшись о его добродѣтели, возгорѣлся къ нему завистью и во что бы то ни стало хотѣлъ затмить его славу. По его примѣру онъ также выстроилъ огромный и великолѣпный дворецъ, куда сталъ принимать всѣхъ путниковъ и оказывать имъ всяческія почести и помощь. Хорошая слава о немъ также скоро распространилась.

Однажды, когда Митриданъ находился во дворѣ своего дома, вошла одна бѣдная женщина и попросила милостыню; получивъ ее, она снова вернулась въ другія ворота, и такимъ образомъ, проѣзжала это двѣнадцать разъ, не получивъ отказа. Наконецъ, она явилась въ тринадцатый разъ.

— Послушай, голубушка, — замѣтилъ ей Митриданъ, — ты ужь болно часто возвращаешься. — Тѣмъ не менѣе онъ все же подалъ ей милостыню.

— Велика щедрость Натана, — вскричала нищенка, — насколько она превосходитъ твою! У него я приходила 32 раза и онъ мнѣ не отказывалъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ этого. Сюда же я явилась только въ тринадцатый разъ и уже получила замѣчаніе. Съ этими словами она исчезла и болѣе не возвращалась.

Разгнѣванный замѣчаніемъ старухи Митриданъ съ озлобленіемъ воскликнулъ:

— Очевидно я никогда въ своей доброй славѣ не превзойду великодушнаго Натана, даже и въ мелочахъ онъ гораздо гуманнѣе и лучше меня. Пока живъ этотъ человекъ, слава его не дастъ мнѣ покоя. Я долженъ во что-бы то ни стало уничтожить его!

Не говоря никому ни слова о своемъ намѣреніи, Митриданъ, взявъ съ собою нѣсколькихъ слугъ, направился къ замку Натана. Онъ приказалъ сопровождавшимъ его ѣхать поодоль, не показывая вида, что они его знаютъ. Онъ велѣлъ имъ направиться впередъ, и явиться однимъ въ замокъ Натана и поселиться тамъ въ ожиданіи его дальнѣйшихъ распоряженій.

Митриданъ подѣхавъ къ замку одинъ, встрѣтилъ вблизи его самого Натана, спокойно гулявшаго и одѣтаго очень просто и скромно. Не зная его въ лицо, Митриданъ попросилъ показать ему, гдѣ живетъ Натанъ.

— Сынъ мой, — отвѣчалъ послѣдній, — мнѣ лучше всѣхъ извѣстно его жилище. Я съ удовольствіемъ проведу тебя къ нему.

— Вы меня этимъ обяжете, — отвѣчалъ довольный Митриданъ, — только я хочу сохранить свое инкогнито.

— Хорошо, — возразилъ старикъ, — будетъ исполнено какъ пожелаешь.

Митриданъ сошелъ съ лошади, и они оба направились въ замокъ, пріятно и оживленно бесѣдуя. Натанъ распорядился, чтобъ слуга убралъ лошадь Митридана, и на ухо приказалъ ему сообщить всеѣмъ слугамъ, чтобъ они не говорили молодому путнику, что знаютъ его имя. Затѣмъ онъ помѣстилъ Натана въ прекрасной комнатѣ, оказывая ему полный почетъ, и самъ часто сталъ навѣщать его. Митриданъ спрашивалъ старика, кто онъ и какую должность занимаетъ.

— Я слуга Натана, — отвѣчалъ старикъ, — онъ взялъ меня съ ранней юности и держать до сихъ поръ, ничему не научивъ кромѣ того, что вы видите: все его восхваляютъ, ну, а я не могу особенно превозносить его.

Такое замѣчаніе подало надежду Митридану, что этотъ недовольный старикъ можетъ оказать ему помощь въ задуманномъ имъ зломъ умыслѣ. Поразмысливъ, Митриданъ откровенно высказалъ свой планъ и свои намеренія старику и, объявивъ свое имя, просилъ его совѣта и помощи въ этомъ дѣлѣ. Конечно, Натанъ сначала былъ пораженъ и испуганъ, но затѣмъ оправившись замѣтилъ слѣдующее:

— Будучи сыномъ челоуѣка не отличавшагося благородствомъ и добродѣтелью, я съ удовольствіемъ вижу, Митриданъ, что ты не слѣ-

дуешь по стѣнамъ твоего отца, а напротивъ, задался цѣлью служить на помощь ближнимъ всѣми своими силами и богатствомъ, и хвалю тебя за то, что стремишься даже превзойти Натана. Побольше было бы такихъ людей, меньше бы было слезъ и горя на землѣ. Разсчитывай же на мою помощь; хотя въ данномъ случаѣ я могу лишь скорѣе подать нужный совѣтъ, нежели оказать свое личное участіе. Слушай же, Натанъ ежедневно утромъ прогуливается одинъ въ маленькомъ лѣсочкѣ, тутъ по собесѣдству; ты легко можешь управиться съ такимъ старикомъ. Но, когда ты его убьешь, не возвращайся въ замокъ, а ступай другой дорогой, это для тебя будетъ безопаснѣе.

Митриданъ, освѣдомленный въ такихъ подробностяхъ, приказалъ своимъ людямъ выѣхать на утро изъ замка и дожидаться его на опушкѣ лѣса.

Рано утромъ Натанъ, неизмѣнный въ своихъ привычкахъ, какъ и всегда отправился одинъ въ лѣсъ на прогулку.

Молодой человѣкъ, взявъ мечъ и лукъ, отправился туда же. Вскорѣ замѣтилъ спокойно гулявшаго Натана. Онъ бросается къ нему и грозно кричить:

— Ну, старикъ, тебя пора прикончить!

— Стало быть я заслуживаю смерть, — смиренно послышалось въ отвѣтъ.

При звукѣ знакомаго голоса и взглянувъ въ лицо, Митриданъ сразу узналъ старика изъ замка, который такъ ухаживалъ за нимъ и подавалъ ему совѣты. Стыдъ смѣнилъ его злобу. Отбросивъ свой мечъ онъ упалъ на колѣни передъ Натаномъ:

— Отецъ мой, — вскричалъ Митриданъ, — ваше великодушіе теперь болѣе очевидно, чѣмъ когда-либо. Зная мое намѣреніе вы, все-таки пришли сюда, чтобъ принести мнѣ въ жертву вашу жизнь. Однако, небо позаботилось о моей добродѣтели, глаза мои, до сихъ поръ ослѣпленные завистью, прозрѣли и я постигъ величіе вашей души. Накажите же меня такъ, какъ я этого заслуживаю!

Натанъ поднялъ Митридана и дружески его поцѣловалъ.

— Сынъ мой, — сказалъ старикъ, — не опасайся моей мести. Никто въ мірѣ не любитъ тебя болѣе меня, право, ты имѣешь благородное и великодушное сердце, такъ какъ не стремишься подобно многимъ только къ наживѣ, а, наоборотъ, хочешь послужить на пользу ближнему. Твое намѣреніе убить меня несколько меня не удивило и тебѣ вовсе не слѣдуетъ его стыдиться. Великіе полководцы и владыки убиваютъ тысячи людей, ради увеличенія своей славы, такъ совсѣмъ неудивительно, что ты хотѣлъ съ этою цѣлью убить только меня одного. А потому это весьма обыкновенная вещь.

Митриданъ, получивъ такое великодушное извиненіе, очень удивился, какъ могъ Натанъ самъ дать ему указаніе, гдѣ лучше его убить.

— Не удивляйся моей готовности отдать тебѣ мою жизнь, — замѣтилъ старикъ, — я далъ себѣ слово никогда и ни въ чемъ не отказывать просителю и предоставлять пріѣзжавшимъ ко мнѣ все, что они

ли пожелаютъ. Тебѣ нужна была моя жизнь и я рѣшилъ отдать ее для того, чтобы и ты не былъ исключеніемъ. Такъ возьми же ее: я готовъ умереть: чѣмъ дольше я проживу, тѣмъ, вѣдь, ничтожнѣе будетъ цѣнность моей жизни.

Пристыженный Митриданъ отвѣчалъ, что никогда не сдѣлаетъ такого поступка, что готовъ, напротивъ, цѣною собственной жизни прожить жизнь такого рѣдкаго и великодушнаго человѣка какъ Натанъ.

Вполнѣ примиренные, дружески разговаривая, они оба вернулись въ замокъ, гдѣ Митриданъ прожилъ еще нѣсколько дней, осыпаясь ласками и вниманіемъ гостепріимнаго хозяина, который сумѣлъ показать ему, что никто не могъ превзойти въ великодушіи, благородствѣ и мудрости стараго Натана.

Новелла IV.

Великодушіе влюбленнаго.

Джентиле Кариченди вынимаетъ мнимоумершую и похороненную любимую женщину изъ могилы. Возвратившись къ жизни она производитъ на свѣтъ мальчика. Джентиле возвращаетъ красавицу и сына ея мужу Николо Качіанемикко.

Всѣ слушатели не мало удивлялись такой благородной готовности отдать свою жизнь другому. Рѣшили, что Натанъ своимъ великодушіемъ превзошелъ и короля Испаніи и аббата Клуіійскаго. Обсудивъ хорошенько эту тему, король взглянулъ на Лауретту и подаль знакъ приступить къ разсказу.

— Мои юныя слушательницы!—начала она.—Я хочу разсказать вамъ о поступкѣ одного влюбленнаго, который, быть можетъ, окажется въ вашихъ глазахъ не менѣе великодушнымъ и достойнымъ удивленія, чѣмъ тѣ, о которыхъ упоминалось въ предыдущихъ разсказахъ.

Въ Болоньѣ, славномъ городѣ Ломбардіи, проживалъ нѣкогда одинъ благородный рыцарь, по имени Джентиле Кариченди, весьма уважаемый и любимый всѣми своими сосѣдями и подчиненными. Влюбился онъ въ одну молодую красивую даму Катарину, которая была женою нѣкогого Николо Качіанемикко.

Не получая взаимности, опечаленный Джентиле съ разбитымъ сердцемъ уѣхалъ въ Модену, взявъ мѣсто подиты. Въ это время мужъ красавицы также отлучился изъ Болоньи, а Катарина поселилась въ де-

ревнѣ, чтобы провести въ уединеніи мѣсяцы своей беременности. Вдругъ, однажды съ ней сдѣлался такой сильный обморокъ, что приглашенный врачъ призналъ ее мертвой. Родные ея оплакали покойницу и похоронили въ церковномъ склепѣ.

Кто то изъ друзей сообщилъ Джентиле о смерти любимой имъ женщины; и хотя онъ не получалъ никогда отвѣта на свое чувство эта смерть произвела на него глубокое впечатлѣніе.

«Я безумно любилъ эту неумолимую красавицу», говорилъ онъ самъ себѣ. „При жизни она не подарила меня не единымъ ласковымъ взглядомъ, теперь она мертва, противиться не можетъ, такъ я могу покрыть ее поцѣлуями.“

Принявъ такое рѣшеніе, онъ тайкомъ оставилъ Модену и ночью въ сопровожденіи одного только лакея, не останавливаясь нигдѣ по дорогѣ, направился къ могилѣ своей красавицы. Приѣхавъ туда, онъ вошелъ въ склепъ, открылъ крышку гроба, припалъ губами къ дорогому лицу и сталъ покрывать его нѣжными поцѣлуями, смачивая обильными слезами. Но такъ какъ человѣкъ вообще, и влюбленный въ особенности, чѣмъ болѣе имѣетъ, тѣмъ болѣе желаетъ, такъ и Джентиле не ограничился поцѣлуями, ему трудно было сдерживать себя и онъ невольно положилъ руку на грудь молодой женщины. При этомъ онъ ясно ощутилъ бѣненіе ея сердца, хотя еще очень слабое; Кориченда подавивъ свой страхъ, сталъ прислушиваться... Онъ понялъ, что жизнь еще теплится въ этомъ прекрасномъ тѣлѣ. Джентиле позвалъ своего лакея и съ помощью его они вынули мнимую покойницу и, положивъ ее на свою лошадь, тайкомъ отвезъ въ свой домъ въ Болонью.

У Джентиле еще была жива мать, очень умная и добродѣтельная старушка, которая, выслушавъ сына, съ большимъ вниманіемъ отнеслась къ Катаринѣ и всевозможными усиліями постаралась привести ее въ чувство. Покойница, наконецъ, открыла глаза и съ удивленіемъ озираясь кругомъ спросила.

— Гдѣ я?

— Не беспокоитесь, сударыня, — отвѣчала добрая старушка, — вы въ надежномъ мѣстѣ.

Однако Катарина, окончательно пришедшая въ себя и видя передъ собой рыцаря, положительно не понимала, что съ ней произошло.

Джентиле разсказалъ ей все подробно. Сначала она было смутилась и обидѣлась, но затѣмъ стала горячо благодарить рыцаря, спасшаго ей жизнь. Красавица умоляла Кориченда во имя любви къ ней, не оскорбляя ея чести, отнестись домой.

— Сударыня, — отвѣчалъ влюбленный рыцарь, — небо помогло мнѣ вырвать васъ изъ когтей смерти и хотя я всею душою желаю обладать вами, будьте увѣрены, что я не воспользуюсь своимъ правомъ и сумѣю достойно отнестись къ вамъ. Въ награду же за мою услугу, я попрошу васъ исполнить только одно мое желаніе.

Дама выразила готовность исполнить для него все, что только не затрогивало ее чести.

— Сударыня, — начал Джентиле, — все ваши родные и знакомые въ Болоньѣ считаютъ васъ умершей, никто не чаеъ вашего появленія, такъ я прошу васъ остаться тутъ, въ домѣ моей матери, на нѣкоторое время, пока я не вернусь изъ Модены, куда сегодня же отправляюсь.

— Я прошу васъ объ этомъ потому, что хочу отдать васъ вашему мужу въ присутствіи знатнѣйшихъ лицъ города, доказавъ, что я дѣлаю ему самый драгоценный подарокъ въ мірѣ.

Катарина, не найдя въ этой просьбѣ рыцаря ничего предосудительнаго, согласилась ее исполнить, давъ честное слово не покидать его дома до возвращенія Джентиле.

Спустя нѣсколько минутъ послѣ этого разговора молодая женщина почувствовала приступы родовъ. Мать Джентиле снова стала заботливо ухаживать за ней. На свѣтъ появился прекрасный мальчикъ къ ихъ общей радости. Джентиле окружилъ ее полнымъ вниманіемъ какъ бы собственную жену, предоставивъ весь домъ въ ея распоряженіе и приказавъ доставлять все необходимое, а самъ отправился въ Модену. По прошествіи нѣкотораго времени Джентиле снова вернулся въ Болонью, устроилъ пышный пиръ, на которой пригласилъ знатныхъ вельможъ города, и въ томъ числѣ Николо Качіанемикко. За это время Катарина вполне поправилась и сдѣлалась еще прекраснѣе, а также и ея ребенокъ выглядѣлъ отлично. Собрались гости, пиръ вышелъ на славу.

Послѣ первой перемены блювъ рыцарь обратился къ присутствующимъ съ слѣдующей рѣчью:

— Господа, я слыхалъ, что въ Персеи существуетъ очень похвальный обычай, а именно, когда желаютъ выразить гостю особое расположеніе, ему показываютъ то, что считаютъ лучше и дороже всего на свѣтѣ, будь это дочь, жена, подруга, доказывая этимъ сокровеннѣйшій тайникъ своего сердца. Я тоже рѣшилъ проявить такой обычай въ нашемъ городѣ.

Вы сдѣлали мнѣ честь своимъ присутствіемъ, я отблагодарю васъ по персидскому обычаю. Но прежде всего я попрошу васъ высказать ваше мнѣніе относительно одного случая, который я вамъ сейчасъ сообщу.

— Слушайте: у одного господина былъ хорошій и вѣрный рабъ, который заболѣлъ. Хозяинъ считая его въ такомъ положеніи бесполезнымъ для себя, не дождавшись его смерти, выбросилъ на улицу, не заботясь совершенно о дальнѣйшемъ.

Совершенно посторонній человѣкъ, тронутый несчастнымъ положеніемъ бѣднаго слуги, подобралъ его и отвезъ въ свой домъ.

Послѣ онъ приложилъ все старанія чтобъ сохранить ему жизнь и возстановить здоровье. Теперь вопросъ, въ правѣ ли его прежній хозяинъ требовать этого слугу къ себѣ? Прошу отвѣтить мнѣ на это.

Вопросъ этотъ всё присутствующіе много и долго обсуждали, затѣмъ Николо Качіанемикко, какъ отличавшійся особымъ краснорѣчіемъ, всталъ, чтобы отвѣтить за всѣхъ. Похваливъ персидскій обычай, Николо заявилъ, что первый хозяинъ утратилъ свои права надъ слугою, такъ какъ безжалостно выгналъ его изъ своего дома, и что заботы и вниманіе второго даютъ ему всё права надъ этимъ слугою. Всѣ были согласны съ мнѣніемъ Николо.

Довольный мнѣніемъ своихъ гостей рыцарь заявилъ, что настало время и ему исполнить персидскій обычай. Онъ послалъ двоихъ слугъ за Катариной, которая условившись раньше съ Джентиле, одѣтая въ великолѣпный и пышный нарядъ появилась передъ собраніемъ и, молча, сѣла рядомъ съ однимъ изъ знатнѣйшихъ вельможъ.

Красавица держала на рукахъ своего ребенка.

— Господа, — сказалъ Джентиле, указывая на Катарину, — вотъ что я любилъ и люблю больше жизни, и что мнѣ дороже всего на свѣтѣ. Всѣ внимательно разсматривали нарядную и красивую даму и хвалили, выборъ рыцаря. Многие находили ее весьма похожей на жену Николое, хотя не высказывали этого, считая Катарину покойницей. Присталыѣ и всѣхъ въ нее всматривался самъ Николо, и не будучи въ состояніи преодолѣть своего волненія и любопытства, спросилъ красавицу, откуда и кто она родомъ. Катарина по уговору съ рыцаремъ не отвѣчала и слова.

Другой гость спросилъ, ея ли это сынъ, прелестный мальчикъ, сидящій у ней на рукахъ. Катарина продолжала молчать.

— Очевидно эта прекрасная дама нѣма, — заявилъ гость, обращаясь къ Джентиле.

— Молчаніе ея доказываетъ только ея скромность, — отвѣчалъ рыцарь.

— Я вамъ самъ объясню, кто она и откуда, — заявилъ Джентиле, садясь рядомъ съ Катариной. Только прошу васъ припомнить мой рассказъ о заболѣвшемъ слугѣ.

— Такъ вотъ и эта дама господа, — продолжалъ онъ, — и есть тотъ хорошій и вѣрный слуга, о которомъ я говорилъ. Я подобралъ ее на улицѣ, куда ея родные безжалостно бросили. Я вырвалъ ее изъ рукъ смерти, и Богъ помогъ мнѣ возвратить ей силы и здоровье. Теперь она передъ вами во всемъ блескѣ своей красоты и молодости.

Джентиле подробно, шагъ за шагомъ, рассказалъ изумленнымъ гостямъ исторію своей любви вплоть до послѣднихъ событій.

— Итакъ господа, — закончилъ онъ, — если вы еще придерживаетесь вашего первоначальнаго мнѣнія, то согласитесь, что женщина эта принадлежитъ мнѣ по праву и никто не можетъ ее у меня оспаривать. Всѣ молчали, ожидая, что онъ скажетъ далѣе. Джентиле всталъ, взялъ ребенка и мать за руку, подвелъ ихъ къ Николо и сказалъ:

— Я не отдаю тебѣ твою жену, которую родные безжалостно бросили, нѣтъ, я дарю тебѣ эту красавицу съ ея ребенкомъ, который также и твой. Его я держалъ на рукахъ у купели, назвавъ своимъ именемъ Джентиле. И пусть Катарина не падаетъ въ твоихъ глазахъ отъ того, что 3 мѣсяца провела въ моемъ домѣ. Клянусь именемъ Бога, который толкнулъ меня на ея жизненный путь, чтобъ спасти ее отъ смерти, что эта женщина за всѣ эти три мѣсяца вела добродѣтельный образъ жизни, подъ наблюденіемъ моей матери. — Затѣмъ обернувшись къ Катаринѣ добавилъ:

— Сударыня, отнынѣ вы свободны отъ всѣхъ обѣщаній, я возвращаю васъ вашему супругу такую же, какой вы были.

Николо съ радостью принялъ жену и сына въ свои объятія, сердечно благодаря рыцаря за его великодушный поступокъ. Всѣ присутствующіе съ умиленіемъ глядѣли на эту трогательную картину. Катарину въ ея домѣ приняли всѣ съ подобающимъ почетомъ. Долго въ Болонѣ поглядывали на нее съ удивленіемъ, какъ на воскресшую изъ мертвыхъ. Джентиле сдѣлался близкимъ другомъ Николо и всей его семьи.

— Что же вы скажете милыя мои слушательницы? Неправда ли, что рыцарь Джентиле своимъ великодушіемъ превзошелъ всѣхъ, о комъ мы слышали доселѣ? Этотъ молодой, страстно влюбленный рыцарь, имѣющій всѣ права на дорогое ему существо, поборолъ свою страсть и отдалъ любимую женщину другому. Гдѣ же можно встрѣтить болѣе похвальный и великодушный поступокъ?

Новелла V.

Волшебный садъ.

Діанора проситъ Ансальдо устроить ей такой садъ который и зимой былъ бы также хорошъ какъ и лѣтомъ. Съ помощью волшебника, Ансальдо устраиваетъ ей такой-прекрасный садъ. Мужъ Діаноры разрѣшаетъ женѣ уступить желанію Ансальдо, но этотъ послѣдній по своему великодушію освобождаетъ ее отъ обѣщанія, а волшебникъ отказывается отъ всякаго вознагражденія.

Всѣ присутствующіе превозносили до небесъ великодушіе Джен-тале. Затѣмъ король подаль знакъ Эмилиі продолжать разсказъ. Она охотно начала такъ:

— Хотя Фріоли и лежитъ въ холодномъ климатѣ, но живописныя горы, быстрыя рѣчки и ручейки, которыя орошаютъ эту мѣстность, дѣлаютъ этотъ чудный уголокъ прекраснымъ и живописнымъ. Въ городкѣ этого кантона Удино, проживала нѣкогда одна красивая, благородная дама по имени Діанора, которая была женою нѣкоего Жильберто, человѣка богатаго, пріятливаго и хорошо воспитаннаго. Виѣшняя красота и прекрасныя внутреннія качества этой дамы произвели глубокое впечатлѣніе на одного молодого человѣка, который страстно влюбился въ красавицу. Звали его Ансальдо Грондесе. Повсюду славился онъ своимъ великодушіемъ, честностью и храбростію. Долгое время Ансальдо употреблялъ всевозможныя усилія, чтобы добиться вниманія предмета своей страсти, но все было напрасно. Діанорѣ также прискучили его проски и преслѣдованія, и она задумала отъ него отдѣлаться, потребовавъ исполнить по ея мнѣнію невозможное.

— Послушай, голубушка,—сказала, однажды, Діанора старушкѣ, присланной къ ней ея поклонникомъ,—ты часто увѣряла меня, что твой господинъ сильно меня любитъ; ты часто предлагала мнѣ отъ его имени дорогіе подарки, но этого мнѣ отъ него совсѣмъ не надо. Вотъ если

онъ дастъ мнѣ доказательство своей любви, исполнивъ мое желаніе, тогда я готова буду раздѣлить его чувства.

— Что же вамъ угодно отъ него сударыня?— спросила старушка.

— А вотъ что: пусть онъ мнѣ устроитъ недалеко отъ города зимой такой садъ, который выглядѣлъ бы какъ и лѣтомъ, т. е. съ зелеными лужайками, цвѣтами и плодовыми деревьями, какъ это бываетъ въ началѣ лѣта. Если же онъ не въ состояніи этого исполнить, пусть лучше болѣе никого и никогда ко мнѣ не посылаетъ, въ противномъ случаѣ я пожалуюсь на него мужу и роднымъ и попрошу ихъ избавить меня отъ его назойливости.

Конечно, подобное желаніе показалось рыцарю весьма трудно выполнимымъ. Онъ ясно понялъ, что оно высказано было лишь съ цѣлью отъ него избавиться. Но все таки онъ рѣшилъ испробовать все средства, чтобъ исполнить это требованіе своей возлюбленной. Ансальдо разослалъ во все концы страны искать такого человѣка, который помогъ бы ему осуществить желаемое. Наконецъ, нашелся такой человѣкъ, который съ помощью волшебства взялся сдѣлать для него то, что хотѣлъ рыцарь, конечно за огромную сумму денегъ.

Наступилъ январь мѣсяць, зима была въ полномъ разгарѣ, земля покрылась густымъ слоемъ снѣга, иней серебрилъ верхушки деревь. Волшебникъ съ помощью своихъ чаръ, раскинулъ, однако, за городомъ чудный садъ съ зелеными лужайками, цвѣтами и фруктовыми деревьями. Радость Ансальдо при видѣ этого чуда, понятно, была безконечна. Онъ приказалъ набрать изъ этого сада цвѣтовъ и плодовъ, и послалъ все это предмету своей страсти, съ приглашеніемъ придти взглянуть на чудесный садъ, наполнивъ при этомъ и данное ей обѣщаніе.

Когда красавица увидѣла присланные цвѣты и фрукты, и вмѣстѣ съ тѣмъ до нея достигли слухи о чудесномъ садѣ, она стала рассказывать въ данномъ словѣ. Однако, любопытство превозмогло все ея безпокойства и волненія и она вмѣстѣ съ нѣсколькими сосѣдками пошла взглянуть на это чудо. Полюбовавшись вдоволь на такое чудное произведеніе, она возвратилась, однако, домой печальная и удрученная: данное обѣщаніе смущало молодую женщину. Мужъ замѣтилъ ее грусть и спросилъ о причинѣ. Сначала красавица стыдилась признаться, долго отговаривалась, но, наконецъ, не выдержала, сдалась на его настоянія и рассказала ему все подробно. Конечно, мужъ сперва очень вспылилъ, шумѣлъ и бранился, но затѣмъ понемногу успокоился, вѣря въ то, что жена, вслѣдствіе своей честности и нежеланія оскорбить мужа, поставила такія условія своему поклоннику. Однако, обращаясь къ ней, онъ строго замѣтилъ:

— Діанора, конечно, порядочной и скромной женщиной не слѣдовало выслушивать никакихъ признаній посторонняго мужчины и тѣмъ менѣе входить съ нимъ въ какія-либо соглашенія, и какаѣ бы ни была

стоимость этихъ условій, ты вдвойнѣ виновата: во-первыхъ, что выслушивала его объясненія, а, во-вторыхъ, что заключила это условіе. Чтобы успокоить тебя, я соглашусь на то, на чтобы врядъ ли согласился другой на моемъ мѣстѣ, тѣмъ болѣе, что сильно опасуюсь волшебника, съ помощью котораго Ансальдо можетъ надѣлать намъ много зла, если не получить обѣщаннаго. Ступай къ твоему поклоннику и постарайся умолить его пощадить твою честь; если же онъ не согласится,—отдай ему тѣло, но не сердце.

Красавица со слезами отказывалась принять такое разрѣшеніе мужа, но Джильберто настоялъ. Ей ничего не оставалось дѣлать, какъ повиноваться.

На развѣтѣ слѣдующаго дня, Діанора, одѣвшись весьма скромно, въ сопровожденіи двухъ лакеевъ и одной служанки направилась въ домъ Ансальдо. Послѣдній былъ очень изумленъ ея визитомъ. Вечеромъ съ постели, онъ позвалъ къ себѣ волшебника.

— Взгляни, какое сокровище я получилъ, благодаря твоему искусству,—сказалъ онъ ему.

Одѣвшись, рыцарь пошелъ къ ожидавшей его красавицѣ, почти-тельно съ ней раскланялся и пригласилъ ее со всей ея свитой въ лучшую комнату замка.

— Сударыня,—заговорилъ Ансальдо,—если моя пламенная и неиз-

мѣнная любовь къ вамъ заслуживаетъ вознагражденія, то чѣмъ объяснить мнѣ вашъ визитъ ко мнѣ съ такой свитой.

— Сюда привело меня къ вамъ не отвѣтное чувство любви,—отвѣчала красавица со слезами,—и вовсе даже не данное мною вамъ обѣщаніе: я явилась сюда только повинуюсь моему мужу, который, скалившись надъ вашими страданіями преступной любви ко мнѣ, рѣшилъ даже пожертвовать своей и моей честью. И вотъ я у васъ по его повелѣнію и готова исполнить ваши требованія.

Неожиданный визитъ Діаноры очень удивилъ Ансальдо, но еще болѣе поразили его ея рѣчи. Великодушіе Джилберто тронуло его до глубины души.

— Сударыни, Богъ свидѣтель, что я не оскорблю чести челоуѣка, скаливагося надъ моими страданіями! — вскричалъ рыцарь. — Вы можете пробыть въ моемъ домѣ столько, сколько вамъ заблагоразсудится, и я буду относиться къ вамъ лишь только, какъ къ сестрѣ. Вы выйдете отсюда тогда, когда вамъ будетъ угодно, передавъ вашему мужу мою глубочайшую признательность за его великодушіе относительно меня и мое увѣреніе въ томъ, что я навсегда останусь его другомъ и братомъ.

Радость преисполнила сердце Діаноры. — Я знала васъ рыцарь,—проговорила красавица—и надѣялась, что поступите такъ благоразумно, не воспользовавшись моимъ невыгоднымъ положеніемъ. Моя благодарность къ вамъ безконечна; увѣрена, что и мужъ мой тоже раздѣлитъ ее со мною.

Затѣмъ она простилась съ рыцаремъ и побѣжала домой рассказать мужу о счастливомъ исходѣ своего визита. Это происшествіе сблизило очень рыцаря и Джилберто. Между ними завязалась прочная и искренняя дружба на всю жизнь.

Волшебникъ, которому Ансальдо хотѣлъ уплатить установленную сумму, рѣшительно отказался отъ всякаго вознагражденія, сказавъ:

— Я видѣлъ великодушіе мужа этой красавицы, рѣшившагося пожертвовать своей честью, видѣлъ и вашу великодушную рѣшимость пожертвовать своимъ чувствомъ, такъ и я рѣшилъ пожертвовать моимъ вознагражденіемъ. Сохраните у себя эти деньги, вы лучше сумѣете ими распорядиться.

И какъ не настаивалъ рыцарь, волшебникъ рѣшительно отказался отъ платы, уничтожилъ чудесный садъ и, распрощавшись съ Ансальдо, уѣхалъ.

Съ теченіемъ времени чувство преступной страсти въ сердцѣ Ансальдо смѣнилось чувствомъ дружбы и привязанности. Такой великодушный поступокъ влюбленнаго рыцаря, конечно, превосходитъ всѣ благородные поступки, о которыхъ приходилось намъ слышать ранѣе!

Новелла VI.

Рыбачки.

Славный король Карль, будучи уже старикомъ, влюбляется въ молоденькую дѣвушку, но устыдившись своего чувства, заботливо выдаетъ ее и ея сестру замужъ.

Все общество долго обсуждало и спорило о томъ, кто изъ упомянутыхъ лицъ превзошелъ остальныхъ своимъ великодушiемъ. Король нѣкоторое время предоставилъ слушательницамъ возможность высказать свои мнѣнiя, затѣмъ, взглянувъ на Фіаметту, подалъ ей знакъ начать свой разсказъ и она повиновалась:

— Я думаю всемъ вамъ извѣстно — начала Фіаметта, — о Карлѣ Смѣломъ или Карлѣ I, который, побѣдивъ короля Маифреди, изгналъ гибелиновъ изъ Флоренціи, водворивъ туда гвельфовъ. Во время этой войны одинъ рыцарь, по имени Нери изъ дома Уберти, вынужденный оставить городъ со всею своею семьей, рѣшилъ отдаться подъ покровительство самого Карла. Онъ пожелалъ провести остатокъ дней своихъ въ полномъ уединенiи и тишинѣ. Вслѣдствіе этого, Нери отправился въ кастелламаре, гдѣ купилъ участокъ земли, покрытый оливками, орѣшникомъ и каштанами. Въ этой уединенной мѣстности онъ построилъ себѣ маленькій замокъ, разбилъ прекрасный садъ, въ которомъ протекало масса серебристыхъ ручейковъ, устроилъ огромный прудъ и наполнилъ его всякой рыбой. Садъ этотъ былъ главнымъ предметомъ его заботъ и ухода, онъ все свое время и все старанiя употреблялъ на его постоянное украшеніе.

Однажды король, случайно проѣзжая по Кастелламаре и услыжавъ о чудномъ садѣ рыцаря Нери, пожелалъ его видѣть. Но такъ какъ ры-

царь принадлежалъ къ оппозиціонной партіи, то Карль рѣшилъ явиться къ нему за-просто, безъ всякой пышной свиты. Онъ послалъ сказать, что хочетъ у него поужинать. Это извѣстіе обрадовало рыцаря Нери. Онъ приготовилъ все къ торжественному приему короля и, радостно встрѣтивъ Карла, повелъ его въ свой чудный садъ.

Король, осмотрѣвъ садъ и дворецъ, хвалилъ очень все видѣнное. Столъ былъ приготовленъ вблизи пруда. Всѣ разѣлись по порядку. По знаку короля рыцарь де-Монфоръ сѣлъ по лѣвую его руку, а Нери— по правую. Кушанья отличались обиліемъ и роскошью, въ кубки наливалось превосходное вино, прислуга была безукоризненна. Словомъ, все очень понравилось Карлу.

Во время ужина, когда всѣ присутствующіе угощались, весело болтая и любуясь очаровательной мѣстностью, вошли двѣ молоденькія дѣвушки съ чудными бѣлокурыми локонами по плечамъ и съ вѣнками изъ поденѣжника на головахъ. Черты лица ихъ были такъ тонки и изящны, что онѣ болѣе походили на ангеловъ, чѣмъ на обыкновенныхъ смертныхъ. Бѣлоснѣжныя одежды окутывали ихъ гибкія и стройныя фигурки. Первая несла въ одной рукѣ сачекъ для ловли рыбы, а въ другой держала длинную палку; другая въ правой рукѣ держала жаровню и сковородку, а въ лѣвой—связку хвороста, кувшинъ съ масломъ и зажженный факель. Король и всѣ присутствующіе съ удивленіемъ смотрѣли на дѣвушекъ, наблюдая, что они станутъ дѣлать далѣе.

Онѣ прошли молча мимо короля, скромно поклонившись, и подошли къ пруду; опустили на землю все принесенное, затѣмъ вошли въ воду, погрузившись до пояса. Одинъ изъ слугъ Нери развелъ огонь, налилъ масла на сковороду и ожидалъ, когда эти двѣ наяды подадутъ ему рыбу. Онѣ, очевидно, хорошо знали мѣста, такъ какъ черезъ нѣсколько минутъ выбросили пойманную рыбу. Одна загоняла ее палкой въ сачекъ другой. Такъ продолжалась ловля, дѣвушки бросали рыбу, а поваръ тутъ же живую жарилъ ее на приготовленномъ очагѣ. Самую лучшую рыбу юныя рыбачки кидали королю, что весьма его забавляло, и чтобы продить удовольствіе, онъ снова нѣкоторыхъ изъ пойманныхъ рыбокъ кидалъ имъ обратно. Въ это время поваръ приготовилъ очень вкусное рыбное блюдо, совершенно особенное по способу его приготовления.

Молодые красавицы вышли изъ пруда. Одежда ихъ намочила и, плотно обхватывая ихъ стройныя фигуры, рѣзко обрисовывало чудныя формы красавицъ. Опустивъ глаза, скромно прошли онѣ мимо короля. Всѣ съ восторгомъ смотрѣли на этихъ прекрасныхъ наядъ, а въ особенности старый король такъ и замеръ въ восхищеніи.

Онъ почувствовалъ, что любовь вспыхнула въ его сердцѣ, а прелести красавицъ отуманили его голову, хотя онъ и не зналъ, которой изъ нихъ слѣдовало отдать предпочтеніе. Такъ обѣ онѣ были очаровательны и такъ разительно походили одна на другую! Просидѣвъ задумчиво нѣ-

сколько минутъ, Карлъ спросилъ у Нери, — кто были эти красавицы.
— Сиръ, — отвѣчалъ рыцарь, — это мои двѣ дочери близнецы. Одну зовутъ прекрасная Джинерва, а другую — златокудрая Изотта.

Король разсыпался въ похвалахъ красавицамъ и совѣтовалъ рыцарю выдать ихъ замужъ. Нери объяснилъ, что мало имѣть надежды на это, такъ какъ сильно стѣсненъ въ средствахъ.

Оставалось подать также десертъ. Очаровательныя дѣвушки по-

явились снова, въ другихъ, не менѣ прекрасныхъ платьяхъ изъ тонкой прозрачной тафты, сквозь которую была видна молочная бѣлизна ихъ кожи. На серебряномъ подносіи онѣ подали королю разные вкусныя фрукты, а затѣмъ, отойдя скромно въ сторону, заѣли мелодичными и нѣжными голосами пѣсенку, которая начиналась такъ:

Долго пришлось бы разсказывать.
Куда влечетъ легкокрылый Амуръ...

Король думалъ, что находится въ раю, а пѣніе этихъ дѣвушекъ представлялось ему пѣніемъ небесныхъ ангеловъ. Спѣвъ свою пѣсню, красавицы опустили къ ногамъ его величества прося позволенія уйти. Король, хотя и противъ желанія своего, отпустилъ ихъ.

По окончаніи ужина король сѣлъ на лошадь и отправился къ себѣ со своей свитой. Карлъ отъ всѣхъ скрытъ въ своемъ сердцѣ властно охватившее его чувство любви. Даже среди своихъ важныхъ дѣлъ онъ ни на минуту не могъ забыть чарующій образъ прекрасной Джинервы. Онъ сталъ часто бывать у рыцаря Нери подъ разными предлогами. Наконецъ, будучи не въ силахъ долѣе противиться своему чувству, Карлъ рѣшилъ похитить дѣвушекъ у отца, о чемъ и сообщилъ своему приближенному рыцарю Гвидо. Послѣдній, грустно вздохнувъ, отвѣтилъ слѣдующее:

— Ваши слова, государь, поразили меня. Зная васъ давно, я никогда не предполагалъ, что на склонѣ вашихъ дней вы будете способны такъ всецѣло отдаться чувству любви, чего и въ дни юности никогда не бывало съ вами. Смѣю напомнить вамъ, что вы завоевали только что новое государство, васъ окружаетъ чуждый еще вамъ народъ и вашему величеству придется еще не мало затратить силъ и энергіи на то, чтобы упрочить ваше могущество и устроить государственный дѣла. Вы хотите, государь, похитить этихъ дѣвушекъ у отца, челоуѣка, который оказалъ вамъ столько радушія и гостепримства и, показавъ вамъ своихъ дочерей, этимъ выразилъ вамъ свое довѣріе, какъ королю и покровителю. Что скажутъ о васъ послѣ такого недостойнаго поступка? Побѣдивъ короля Манфреди, вы одержали славную побѣду; но вѣрите, государь, что побѣда надъ собою, надъ своими страстями гораздо важнѣе. Постарайтесь побороть себя, и пусть никакое пятно не затѣмнитъ вашей громкой славы!

Королю тяжело и горько было слушать рѣчи честнаго Гвидо.

— Другъ мой, графъ, — отвѣчалъ ему взволнованный Карлъ, — побѣдить себя, свои страсти и желанія куда труднѣе всякой побѣды надъ врагомъ, но будьте увѣрены я употреблю все силы, чтобы побѣдить себя и свои стремленія, какъ до сихъ поръ побѣждалъ другихъ.

По прошествіи нѣсколькихъ дней король возвратился въ Неаполь, рѣшившись лучше удалиться отъ соблазна, чѣмъ сдѣлать безчестный поступокъ.

Желая вознаградить рыцаря Нери, онъ выдалъ замужъ обѣихъ его дочерей, наградивъ богатымъ приданымъ. Джинерву — за графа Мафеи де Палинци, а златокудрую Изотту — за графа Гильома де-ла-Магна. Оба эти молодые рыцаря происходили изъ знатнаго рода. Конечно, тяжело было бѣдному королю отдать сокровище своего сердца другому, но природное благородство его все таки одержало верхъ надъ всѣми страстями.

Отпраздновавъ обѣ свадьбы, Карлъ уѣхалъ въ Апулію. Съ теченіемъ

времени ему, однако, удалось заглушить въ себѣ эту мучительную любовь.

Быть можетъ, мнѣ скажутъ, что королю не трудно было выдать дѣвушекъ замужъ, что тутъ ничего нѣтъ удивительнаго; съ этимъ, конечно, приходится согласиться. Но если принять во вниманіе, что онъ выдалъ замужъ за другого ту, которую страстно любилъ самъ, то поступокъ его покажется весьма благороднымъ. Такъ Карлъ Смѣлый сумѣлъ почтить рыцаря, вознаградить молодыхъ дѣвушекъ и, что особенно трудно и важно, побѣдить самого, себя.

✓ Новелла VII.

Король Арагонскій.

Король Арагонскій, узнавъ о любви къ нему больной дѣвушки Лизы, навѣщаетъ ее и утѣшаетъ. Затѣмъ онъ выдаетъ ее замужъ и, поцѣловавъ въ лобъ, навсегда остается ея рыцаремъ.

Всѣ восхваляли благородство Карла за исключеніемъ только одной изъ собесѣдницъ, принадлежавшей къ роду гибелииновъ. Король подалъ знакъ Пампинеѣ и она начала такъ:

— Милыя дамы! Всякій порядочный чловѣкъ долженъ согласиться съ вашимъ мнѣніемъ о королѣ Карлѣ, никто не можетъ оспаривать его выдающееся великодушіе. Я же хочу рассказать вамъ о другомъ королѣ, поступокъ котораго, пожалуй, еще болѣе превзойдетъ по достоинству благородныя дѣйствія Карла.

— Въ то время, когда французы были изгнаны изъ Сициліи, въ Палермо проживалъ одинъ аптекаръ, родомъ флорентинецъ, по имени Бернардо Пуччини. У него была единственная дочь, красавица дѣвушка. Пьетро Арагонскій, завладѣвъ страной, устроилъ съ своими приближенными великолѣпныя празднества. Однажды когда король принималъ участіе въ блестящемъ турнирѣ, въ воинскомъ одѣяніи, изъ окна увидала его дочь Бернардо, красавица Лиза. Король произвелъ сильное впечатлѣніе на пылкое воображеніе дѣвушки, и чувство страстной любви неудержимо охватило ея сердце. Но, конечно, она ясно сознавала всю безнадежность подобнаго чувства. Слишкомъ была велика разница ихъ поло-

женій, чтобъ она могла надѣяться увѣнчать свою любовь взаимностью. Однако, бѣдная дѣвушка не въ силахъ была заглушить этого рокового чувства. Грусть овладѣла ею, страсть томила ее и мучила, меланхолія закралась въ ея душу и она стала таять, какъ свѣча съ каждымъ днемъ. Неутѣнные родители прилагали всѣ старанія, чтобъ спасти своего ребенка, но все было напрасно. Дѣвушка видимо умирала.

Ей, однако, очень хотѣлось, прежде чѣмъ умереть, высказать свое чувство тому, кто былъ для нея такъ дорогъ. При дворѣ короля былъ одинъ музыкантъ, по имени Минуччо д'Арецо, пользовавшійся королевскою милостью. Лиза попросила отца пригласить къ ней Минуччо. Отецъ съ удовольствіемъ согласился, думая, что дочь его хочетъ развлечься музыкой. Минуччо явился къ больной, бесѣдовалъ съ ней, утѣшалъ ее и пѣлъ свои пѣсни. Дѣвушка пожелала переговорить съ Минуччо; наединѣ когда всѣ удалились, она открыла молодому человѣку тайну своего сердца, прося его передать это тому, къ кому стремились ея мысли.

Минуччо, пораженный этимъ признаніемъ, рѣшилъ однако, утѣшить больную дѣвушку.

— Лиза,—сказалъ онъ,—клянусь тебѣ, что я отъ всѣхъ сохранию твою тайну и не сужу тебя за это. Разсчитывай на меня. Вѣрь, что не позже трехъ дней я принесу тебѣ радостную вѣсточку. А теперь, прощай!

Минуччо отправился къ Николо Сиенскому, лучшему тогдашнему поэту и попросилъ сочинить пѣсенку, въ которой изображалась любовь бѣдной Лизы, а самъ положилъ ее на музыку.

На третій день Минуччо присутствовалъ за столомъ короля, который по обыкновенію приказалъ ему спѣть что-нибудь. Минуччо взялъ свою гитару и спѣлъ эту пѣсню съ такой грустью и выраженіемъ, что всѣ присутствующіе слушали затанувъ дыханіе. Когда онъ кончилъ, король спросилъ его, откуда у него эта пѣсня, которую они раньше не слышали.

— Сирь,—отвѣчалъ Минуччо,—эта пѣсня сложена только три дня тому назадъ.

Король полюбопытствовалъ узнать, что послужило мотивомъ этой грустной пѣснѣ.

— Это я скажу только одному вамъ, ваше величество,—отвѣчалъ Минуччо.

Заинтересованный король прошелъ съ нимъ въ отдѣльную комнату, и Минуччо разсказалъ ему о бѣдной Лизѣ и о безграничной ея любви къ нему. Польщенный король повелѣлъ Минуччо утѣшить дѣвушку отъ его имени и объявить ей, что самъ явится навѣстить ее.

Минуччо съ радостью понесъ это извѣстіе бѣдной больной. Онъ разсказалъ ей все подробно о королѣ и спѣлъ сочиненную пѣсенку. Лизу это такъ обрадовало, что съ этой минуты она стала замѣтно поправляться. Въ указанное время король сѣлъ на лошадь и направился

къ домику антекера, приказалъ открыть ему его садъ и сталъ тамъ прогуливаться. Затѣмъ онъ освѣдомился у отца Лизы о дочери и о томъ, не замужемъ ли уже она, выразивъ при этомъ желаніе по-видать ее.

Король направился въ комнату дѣвушки и тихо приблизился къ постелѣ той, которая такъ пламенно его ждала.

— Что съ тобою, дитя мое? — спросилъ онъ, привѣтливо взявъ ее за руку? — Ты такъ прекрасна, а между тѣмъ допускаешь, чтобъ горе и

печаль изводили тебя! Прошу тебя изъ любви ко мнѣ постарайся поправиться, выздоравливай поскорѣе.

Неизъяснимая радость наполнила сердце дѣвушки, когда она почувствовала свою руку въ рукѣ того, кого боготворила.

— Увы, государь, — прошептала больная, — мои силы надорвало тяжелое чувство, но теперь благодаря вамъ я надѣюсь поправиться.

Конечно, король понялъ скрытый смыслъ ея словъ. Побывъ нѣкоторое время съ больной и утѣшивъ ее, онъ вышелъ.

Доброта и любезность короля очаровали всѣхъ присутствующихъ. Дѣвушка, осчастливленная его вниманіемъ, стала быстро поправляться и сдѣлалась еще лучше прежнего.

Между тѣмъ король совѣтовался съ королевой, какъ бы ему наградить такую преданную любовь. И вотъ, однажды, въ сопровожденіи своей свиты, онъ отправился въ домъ аптекаря. Королева въ сопровожденіи придворныхъ дамъ явилась туда слѣдомъ за королемъ. Позвали аптекаря и его дочь.

— Прекрасная дѣвушка, — сказалъ король, обращаясь къ красавицѣ, — я высоко цѣню тѣ чувства, которыя вы питаете къ намъ и желаю вознаградить васъ за это. Вы уже въ томъ возрастѣ, когда слѣдуетъ выйти замужъ и я выберу вамъ мужа. Однако, я останусь навсегда вашимъ рыцаремъ и въ награду за это мнѣ не нужно ничего, кромѣ одного поцѣлуя.

Лиза, которую стыдъ заставилъ покраснѣть, отвѣтила, что воля короля будетъ ея волей. Король приказалъ позвать отца и мать дѣвушки и одного молодого дворянина, не обладающаго средствами; звали его Пердикано. Король вложилъ въ его руку нѣсколько колецъ и приказалъ жениться на Лизѣ. Онъ наградилъ ихъ многими цѣнными подарками и кромѣ того пожаловалъ имъ Чэффалу и Калатабеллоту, два очень обширныхъ и доходныхъ имѣнія. Затѣмъ онъ обратился къ молодому съ такой рѣчью:

— Все это мы даемъ въ приданое за твоей женой, а въ будущемъ ты получишь еще доказательства нашего благоволенія. А теперь, — прибавилъ онъ, обращаясь къ Лизѣ, — я хочу взять тотъ плодъ, который долженъ получить отъ твоей любви. — И не ожидая отвѣта, онъ поцѣловалъ ее въ лобъ.

Пердикано, Лиза и ея родители, словомъ всѣ, остались довольны поступкомъ короля. Послѣдній, будучи вѣренъ своему обѣщанію, остался на всю жизнь рыцаремъ Лизы и во всѣхъ воинскихъ походахъ появлялся съ девизомъ, присланнымъ ему молодой дѣвушкой.

Новелла VIII.

Два друга.

Софронія, думая стать женой Гизиппы, въ дѣйствительности выходитъ замужъ за Тита Квинта Фульвія и уѣзжаетъ съ нимъ въ Римъ, куда черезъ нѣкоторое время переѣзжаетъ Гизиппа. Впавши въ бѣдность и думая, что Титъ его позабылъ, онъ взводитъ на себя обвиненіе въ убійствѣ, чтобы найти смерть. Но Титъ, узнавши его, объявляетъ себя преступникомъ, чтобы спасти друга. Тогда настоящій убійца, видя это, выдаетъ себя. Императоръ освобождаетъ ихъ всѣхъ трехъ, а Титъ выдаетъ за Гизиппу свою сестру и дѣлитъ съ нимъ свое богатство.

Всѣ были въ восторгѣ отъ поступка короля Пьетро и единогласно рѣшили, что такими примѣрами можно заслужить славное и безсмертное имя, выразивъ сожалѣніе, что въ настоящее время такихъ истинныхъ рыцарей встрѣчается такъ мало. Затѣмъ по приказанію короля, Филомена обратилась къ дамамъ съ такой рѣчью:

Дорогія подруги! Если вы восторгаетесь великодушными поступками королевъ и рыцарей, то вамъ покажутся еще болѣе похвальными такого рода поступки обыкновенныхъ смертныхъ. Поэтому я хочу рассказать вамъ исторію про двухъ друзей, которые проявили самое рѣдкое благородство.

Въ то время, когда Октавій Цезарь не носилъ еще титула Августа, но управлялъ Римскою имперіей въ званіи триумвира, въ Римѣ проживалъ патриціей по имени Публій Квинтъ Фульвій. У него былъ сынъ Титъ Квинтъ Фульвій, юноша богато одаренный умомъ и любовью къ наукамъ. И вотъ отецъ послалъ его въ Аѳины для изученія философіи. Онъ направилъ его къ своему старинному пріятелю въ Аѳинахъ, по имени Кремета. Послѣдній поселилъ юношу въ своемъ домѣ и отправилъ его вмѣстѣ со своимъ сыномъ Гизиппой въ ученье

къ философу Аристишу. Одинаковый возрастъ, сходство характеровъ, общія занятія, привычка жить подъ одной крышей установили между обоими юношами самую нѣжную дружбу, которую, казалось, не въ силахъ ничто разрушить, кромѣ смерти. Они чувствовали себя хорошо только тогда, когда бывали вмѣстѣ, и такъ какъ отличались большими способностями, то векорѣ оба достигли въ одинаковой мѣрѣ высшихъ степеней познанія и раздѣляли между собой безъ взаимной зависти похвалы и восторженные отзывы просвѣщенныхъ людей. Кремета, не чувствующій, кто изъ двухъ юношей занялъ большее мѣсто въ его сердцѣ, съ радостью смотрѣлъ на этотъ прекрасный союзъ. Три года онъ наслаждался спокойной старостью, когда смерть прекратила его дни. Оба юноши облачились въ трауръ, и друзья Креметы съ трудомъ различали, кто былъ настоящій сынъ и кто болѣе нуждался въ утѣшеніи.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Гизишу посѣтили родные, которые вмѣстѣ съ Титомъ совѣтовали ему жениться и нашли ему молодую дѣвушку знатнаго происхожденія и замѣчательной красоты. Софронія, такъ звали невѣсту, достигшую только пятнадцати-лѣтняго возраста, была родомъ изъ Аѳинъ. Время свадьбы приближалось и Гизиша попросилъ своего друга, чтобы тотъ сопровождалъ его къ будущей супругѣ, которую онъ еще никогда не видѣлъ. Когда они пришли къ ней, красавица приняла друзей очень любезно и сѣла между ними. Римлянинъ былъ очень радъ познакомиться съ той, которая должна составить счастье его друга, и со вниманіемъ ее разсматривалъ. Этотъ опасный поступокъ имѣлъ послѣдствіе, которое не трудно было предвидѣть. Титъ тотчасъ же безумно влюбился въ дѣвушку: всякій жестъ ея оставилъ въ его сердцѣ глубокой слѣдъ. Когда друзья вернулись домой, Титъ удалился въ свою комнату и погрузился въ глубокое раздумье: образъ Софроніи не переставалъ стоять передъ его очами, онъ сталъ снова мысленно ее разсматривать и почувствовалъ въ своей душѣ неукротимый огонь.

Убѣдившись, наконецъ, въ своей страсти, онъ съ тяжкимъ вздохомъ воскликнулъ:

— Ахъ, несчастный Титъ! Куда стремиться твои мысли? Куда ты осмѣливаешься направлять свои чувства и надежды? Благодаренія и любовь, оказанныя тебѣ Креметой и его семьей, дружба, которая царитъ между тобой и его сыномъ, развѣ все это не обязываетъ тебя уважать ту, на которой тотъ женится? Подумай хорошенько, кого ты хочешь полюбить? Куда увлекаетъ тебя слѣпая любовь и тщетныя надежды? Открой свои глаза, познай самого себя! Призови на помощь разсудокъ, который тебя покинулъ, положи границу необузданности твоего преступнаго воображенія, дай другое направленіе своимъ желаніямъ и другой объектъ для твоихъ мыслей! Пока еще не поздно, побѣди самого себя, вырви съ корнемъ свои слабости. То, что ты желаешь, и безрасудно и безчестно! И если бы ты былъ увѣренъ въ достиженіи желаемаго, то честь, дружба, долгъ воспрепятствуютъ твоему успѣху. Итакъ, что же

ты сдѣлаешь, Титъ?—Ты послушаешься голоса разума и избѣгнешь любви, которая его затмила.

Но тутъ предъ нимъ снова являлась Софронія, еще болѣе прекрасная и прелекательная; этотъ образъ разрушалъ всѣ его рѣшенія и заставлялъ отвергать прежніе доводы.

— Увы!—разсуждалъ онъ.—Какими ложными разсужденіямъ я себя утѣшаю! Развѣ не знаю, что законы любви могущественнѣе всѣхъ другихъ и рушатъ не только завѣты дружбы, но и божественные законы?! Сколько разъ случалось, что отецъ влюблялся въ дочь, братъ въ сестру и мачеха въ пасынка? Все это, безъ сомнѣнія, болѣе преступно, болѣе чудовищно, чѣмъ видѣть влюбленного въ жену друга. Въ этомъ меня должны убѣдить тысячи примѣровъ. Кромѣ того, я молодъ, а молодость вся во власти бога любви. Понятно поэтому, что то, что нравится ему, нравится также и мнѣ. Обдуманые и разсудительные поступки—это удѣлъ зрѣлаго возраста: въ мои же годы не можетъ быть иной воли, какъ воли любви; красота Софроніи заслуживаетъ общаго преклоненія: кто же можетъ меня упрекнуть въ томъ, что я одинъ не остался къ ней равнодушнымъ! Я полюбилъ ее не исключительно потому, что она должна стать женой моего друга, я любилъ бы ее, если бы она была женой кого угодно. Тутъ вина не моя, а скорѣе фортуны, которая вручила ее моему другу, а не кому иному. И если неизбѣжно, что ея чары должны покорить чье-нибудь сердце, то мой другъ долженъ быть доволенъ, что побѣжденъ я, а не какой-нибудь чужой.

Эти разсужденія, казавшіяся ему какъ нельзя болѣе правильными, вызывали въ слѣдующій моментъ лишь жалость къ самому себѣ. Онъ краснѣетъ отъ стыда, отвергаетъ ихъ, снова къ нимъ возвращается, проводитъ день и ночь въ противорѣчій и чувствуетъ себя мало-по-малу разбитымъ и уничтоженнымъ. Черезъ нѣсколько дней онъ теряетъ сонъ и аппетитъ и его тѣло подъ вліяніемъ такой пытки въ концѣ концовъ изнемогаетъ.

Гизиппа, замѣчая, что мрачная меланхолія снѣдаетъ его друга, и видя его больнымъ, начинаетъ сильно беспокоиться. Когда Титъ слегъ въ постель, Гизиппа старался его утѣшить и неоднократно спрашивалъ его съ живымъ участіемъ о причинѣ болѣзни. Титъ долгое время платилъ ему молчаніемъ, но, наконецъ, побѣжденный его состраданіемъ, со слезами на глазахъ, сказалъ:

— Гизиппа, если такова воля боговъ, чтобы я умеръ, то я съ наслажденіемъ ожидаю бы конца своихъ страданій, ибо имѣя случай испытать мою твердость и добродѣтель, я убѣдился, что и та и другая побѣждены. И я жду смерти, какъ справедливаго возмездія за мою пошлость. Я хочу показать тебѣ, насколько я недостоевъ твоей дружбы, и тебѣ, только тебѣ одному я могу признаться въ этомъ.

И онъ разсказалъ Гизиппѣ свое горе, онъ объяснилъ ему, какъ въ немъ зародилось преступное чувство: какъ оно росло, говорилъ

ему о своей борьбѣ и, краснѣя, сознался, на чьей сторонѣ осталась побѣда.

Въ заключеніе онъ сказалъ, что видя, насколько его страсть безразсудна и недостойна честнаго человѣка, онъ рѣшилъ ради искупленія своей вины умереть, надѣясь, что смерть не заставитъ себя долго ждать.

Слушая эти рѣчи и видя такія искреннія слезы, изумленный Гизиппа оставался нѣкоторое время безмолвенъ. Хотя его любовь и не была столь сильна, однако на минуту она побѣдила его благородство. Но вскорѣ онъ пересилилъ себя и понялъ, что жизнь друга для него дороже, чѣмъ обладаніе Софроніей. Придя къ такому заключенію, онъ обратился со слезами на глазахъ къ другу съ такими словами:

— Титъ! Если бы упреки могли имѣть мѣсто при обстоятельстве, при которомъ ты столь нуждаешься въ утѣшеніи, я бы самъ жаловался на тебя за то, что ты такъ долго скрывалъ отъ своего друга роковую страсть. Быть можетъ, ты сомнѣвался въ ея честности и поэтому держалъ ее отъ меня въ тайнѣ, но знай, что ничто изъ происходящаго въ въ нашей душѣ не должно быть скрыто отъ друга: онъ долженъ читать въ ней все наши чувства, чтобы хвалить хорошія и безъ страха порицать дурныя. Но оставимъ эти разсужденія и вернемся къ тому, что тебя особенно интересуетъ въ данный моментъ. То, что ты любишь Софронію, меня ничуть не удивляетъ, напротивъ, я былъ бы удивленъ, если бы этого не было. Ея выдающаяся красота должна была запечатлѣться въ твоемъ сердцѣ тѣмъ болѣе, что благородство ея души должно съ жадностью притягивать всякаго, обладающаго какъ и она возвышенными и рѣдкими качествами. Твоя любовь безспорно разумна, но ты не долженъ жаловаться на судьбу, по волѣ которой Софронія дана мнѣ, потому что, если бы она принадлежала другому, ты могъ бы ее любить менѣе добросовѣстно и болѣе увѣренно.

— Но подумай, если только ты сохранилъ свою обычную мудрость, что ради твоего счастья и въ твоихъ интересахъ она не могла попасть въ лучшія руки, чѣмъ мои, ибо всякій другой на моемъ мѣстѣ предпочелъ бы свое счастье счастьемъ другого. Отъ меня же ты можешь ожидать иного, если ты считаешь меня такимъ другомъ, каковъ я въ дѣйствительности. Съ тѣхъ поръ какъ мы связаны узами дружбы, я не помню, чтобы у меня было что нибудь, чего я не раздѣлялъ бы съ тобой и чѣмъ бы ты не владѣлъ наравнѣ со мной. И изъ настоящаго случая я не сдѣлалъ бы исключенія, если бы дѣло зашло дальше, чѣмъ теперь. Но пока мы находимся въ томъ положеніи, когда такой раздѣлъ не можетъ произойти, не нарушая принципа, чести и доброжелательства. И если бы я въ этомъ случаѣ отказался подчинить свое желаніе твоему, то какъ бы я самъ смотрѣлъ на нашу дружбу, которой горжусь?

Правда, Софронія уже моя невѣста, и я съ нетерпѣніемъ влюбленнаго жду дня нашей свадьбы, но такъ какъ чувство твое къ ней глубже чѣмъ мое, потому что ты лучше можешь оцѣнить достоинство предмета

своей любви, я тебѣ обѣщаю, что она войдетъ въ мой домъ, не какъ моя, а какъ твоя супруга. Итакъ, разгони свои черныя думы, разсѣй свою тоску, возстанови свое здоровье, свои силы и веселье и спокойно и радостно ожидай награды, въ которой я, оставаясь честнымъ человекомъ, не могу отказать благороднѣйшему изъ друзей.

Слушая эти слова своего друга, Титъ почувствовалъ такой стыдъ, что даже сладкая надежда обладать той, которую онъ любитъ, не могла ослабить этого чувства. Разсудокъ говорилъ ему, что чѣмъ выше было благородство Гизишны, тѣмъ меньше онъ имѣлъ права имъ воспользоваться. Тронутый и побѣжденный онъ едва могъ отъ душившихъ его рыданій отвѣтить своему другу:

— Дорогой мой! То, что ты дѣлаешь, достаточно ясно указываетъ мнѣ, что я самъ долженъ дѣлать Богу не угодно, чтобы я взялъ въ супруги ту, которую онъ назначилъ для тебя, какъ болѣе достойнаго. Если бы Ему угодно было, чтобы эта женщина принадлежала мнѣ, онъ не указалъ бы тебя. Воспользуйся же съ радостью указанными свыше предопредѣленіями, исполни волю судьбы и предоставь мнѣ проливать слезы, — единственное, что мнѣ осталось. Время поможетъ мнѣ побѣдить мое горе, и твои желанія будутъ исполнены, или же я паду подъ его бременемъ, и мои страданія окончатся.

— Слушай Титъ, — возразилъ Гизиша, — если наша дружба позволяетъ мнѣ вообще заставить тебя сдѣлать что-либо пріятное и повиноваться моимъ желаніямъ, то именно при этомъ случаѣ я хочу воспользоваться моимъ правомъ, — повторяю тебѣ — Софронія будетъ твоей женой. Я слишкомъ хорошо знаю силу и власть любви, знаю, что она не разъ доводила несчастливыхъ любовниковъ до трагической развязки, и вижу тебя настолько обезсиленнымъ, что не считаю возможнымъ, чтобы ты совладалъ со своимъ чувствомъ: ты будешь побѣжденъ, ты погибнешь, и неужели ты полагаешь, что твой другъ послѣ этого тебя переживетъ!?

Итакъ, ради моихъ собственныхъ интересовъ, ради сохраненія своей жизни необходимо, чтобы ты женился на Софроніи. Ты слишкомъ глубоко ее любишь, чтобы полюбить другую, ни одна женщина никогда тебѣ не будетъ столь дорога, не покажется столь прекрасной. Что касается меня, то я чувствую въ себѣ достаточно силы, чтобы освободиться отъ своей любви и отдать свое сердце другой, и буду къ этому стремиться къ нашей общей радости.

— Я былъ бы менѣе благороденъ, если бы женщины были столь же рѣдки какъ друзья, но такъ какъ мнѣ гораздо легче найти другую жену, нежели встрѣтить такого друга, то я ни на минуту не колеблюсь въ выборѣ. Вотъ почему, если мои просьбы имѣютъ для тебя какое-нибудь значеніе, прошу тебя покинь свою горестъ, живи въ мирномъ покое и жди отъ дружбы награды любви.

Хотя Титъ еще стыдился согласиться на предложеніе своего друга и хотѣлъ настаивать на отказѣ, однако, подъ вліяніемъ рѣчей Гизишны и, въ особенности, своей страсти онъ отвѣтилъ голосомъ полнымъ грусти:

— Другъ мой, если я сдѣлаю такъ, какъ ты желаешь, и исполню твою просьбу, то не знаю, не будетъ ли это скорѣе результатомъ моихъ желаній, чѣмъ твоихъ увѣщаній. Но такъ какъ твое благородство настолько велико, что вовсе не слушаетъ моего справедливаго отказа, то я принимаю твой даръ. Будь увѣренъ, что я никогда не забуду, что обязанъ тебѣ не только той, кого больше всѣхъ люблю, но и своей собственной жизнью. Отнынѣ самымъ пламеннымъ желаніемъ моимъ будетъ, чтобы боги дали мнѣ когда-нибудь возможность вознаградить тебя по мѣрѣ силъ моихъ за твою ко мнѣ любовь.

Послѣ этого оставалось только отыскать способъ для исполненія ихъ намѣренія.

— Чтобы довести до конца наше дѣло, — замѣтилъ Гизиппа, — намъ слѣдуетъ, какъ мнѣ кажется, избрать такой путь. Ты знаешь, что Софронія была со мной помолвлена послѣ долгихъ переговоровъ между моими родными и ея родителями. Если я теперь заявлю, что отказываюсь отъ ея руки, то это вызоветъ большой скандалъ, и между моей и ея родней выйдетъ крупная ссора. Однако, это не остановило бы меня, если бы такимъ путемъ мы могли бы достигнуть нашей цѣли. Но это очень сомнительно, и легко можетъ случиться, что ты не воспользуешься моей жертвой и что ея родители выдадутъ ее за другого. Поэтому лучше, если я буду продолжать начатое — тебѣ надо съ этимъ согласиться. Я введу Софронію въ свой домъ, устрою свадьбу, а затѣмъ ты въ полнѣйшей тайнѣ проведешь съ ней ночь какъ со своей женой. Послѣ этого мы объявимъ объ этомъ при подходящемъ случаѣ. Понравится ли роднымъ эта тайная свадьба или нѣтъ, все равно, — дѣло будетъ сдѣлано и его не передѣлать.

Титу этотъ планъ очень понравился, и какъ только онъ поправился, Гизиппа ввелъ Софронію въ домъ. Свадебный пиръ былъ великолѣпный.

Когда наступила ночь, женщины проводили молодую въ спальню молодыхъ и всѣ разошлись. Комната Тита была рядомъ съ комнатой Гизиппы и соединялась дверью. Гизиппа, потушивъ огни, прошелъ въ комнату своего друга, а его отправилъ въ спальню къ новобрачной. Титъ, сконфуженный и смущенный столь высокимъ благородствомъ, не соглашался, но его другъ, искренно и отъ души приносящій эту жертву, сумѣлъ его убѣдить. Титъ, приблизившись къ ложу, сталъ ласкать Софронію и шепотомъ спросилъ ее, согласна ли она быть его женой. Молодая, принимая его за Гизиппу, отвѣтила голосомъ, полнымъ сладости и нѣги «да». «И я сгораю желаніемъ стать вашимъ супругомъ» — сказалъ Титъ, надѣвая ей на палецъ дорогой перстень. Послѣ этого брачнаго обряда, онъ вступилъ въ права супруга и предался наслажденіямъ счастливаго любовника.

Такъ совершился бракъ Тита съ Софроніей. Въ это время онъ получилъ извѣстіе о смерти отца и приглашеніе немедленно явиться въ

Римъ для утверженія въ правахъ наслѣдства. Титъ рѣшилъ отпра- виться туда съ женой, но для этого необходимо было раскрыть передъ нею тайну. Гизиппа взялъ это на себя и объяснилъ ей положеніе вещей. Молодая женщина ни за что не хотѣла ему повѣрить, но Титъ, чтобы убѣдить ее, напомнилъ ей нѣкоторыя подробности ихъ совмѣстной жизни, которыя могли быть извѣстны одному только мужу. Это поразило Софронію. Горько плача и упрекая друзей въ обманѣ, она отправилась къ родителямъ и разказала имъ обо всемъ. Родные были сильно возму- щены этимъ обманомъ. Семья Гизиппы была, въ свою очередь, крайне недовольна его поведеніемъ, но семья Софроніи, какъ болѣе оскорблен- ная, подняла шумъ и громогласно заявила, что Гизиппа заслуживаетъ примѣрнаго наказанія. Послѣдній, однако, утверждалъ, что въ его пове- деніи нѣтъ ничего позорнаго и что, напротивъ, ему должны быть бла- годарны, что онъ выбралъ для Софроніи мужа, который ее страстно лю- битъ и больше нежели онъ самъ достоинъ быть связанъ съ ней своею жизнью.

— Титъ, свидѣтель всѣхъ этихъ ссоръ, единственной причиной коихъ былъ онъ, сильно огорчался и не переставалъ выражать свои жалобы Гизиппѣ. Зная характеръ Аѳинянъ и подмѣтивъ, что они имѣютъ привычку дѣлать шумъ и грозить, пока нѣтъ людей, умѣющихъ имъ отвѣтить, и, напротивъ,—примолкнуть и стать ласковыми, когда имъ даютъ смѣлый отпоръ, онъ рѣшился положить конецъ ихъ протесту способомъ, въ которомъ высказался бы римскій духъ и аѳинская мудрость.

Съ этой цѣлью онъ собралъ въ храмъ родныхъ Софроніи и Гизиппы и, явившись въ сопровожденіи лишь своего друга, обратился къ нимъ съ такой рѣчью:

— Многіе философы утверждаютъ, что всѣ наши дѣйствія являются исключительно слѣдствіемъ незыблемой воли боговъ, и что все, совершающееся на землѣ, происходитъ по ихъ усмотрѣнію. Одни относятъ это къ вещамъ совершившимся, другіе же утверждаютъ, что это въ одинаковой степени касается прошлаго, настоящаго и будущаго. Какъ одно, такъ и другое мнѣніе ясно указываютъ на то, что осуждать или спорить противъ того, что неизбѣжно—значить стремиться выказать себя болѣе мудрыми, чѣмъ боги. Если они непогрѣшны, во что мы должны вѣрить, то какъ безумно заблуждаются тѣ, кто отвергаетъ ихъ дѣянія и какого строгаго наказанія они заслуживаютъ! А развѣ вы не принадлежите къ числу такихъ заблудшихъ, вы, не перестающіе хулить мой бракъ съ Сафроніей, которую вы думали отдать за Гизиппу?! Вы, значить, не хотите подумать, что это было предопредѣлено свыше, чтобы она стала моею женой, а не моего друга.

— Но оставляя въ сторонѣ намѣренія боговъ, недоступныя для многихъ и таинственныя для всѣхъ, предположимъ, что боги вовсе не вмѣшиваются въ наши дѣла, и обратимся къ нашему людскому разуму. Тутъ мнѣ придется совершить двѣ вещи, противныя моему характеру: во-первыхъ, хвалить себя и во-вторыхъ, порицать другихъ, но такъ какъ въ обоихъ

дарь. Кромѣ того, хотя я любилъ ее такъ страстно, какъ себѣ только можно представить, однако, я воспользовался ея ласками не какъ любовникъ, а какъ настоящій мужъ. И, дѣйствительно, я вступилъ въ брачную комнату какъ супругъ. Я надѣлъ ей на палець кольцо и спросилъ, желаетъ ли она стать моею женою: она отвѣтила «да»! Развѣ моя вина, если она была обманута? Почему она не спросила меня, кто я!

—Итакъ великое преступленіе Гизишпы, великое преступленіе влюбленнаго состоятъ въ томъ, что они устроили такимъ образомъ, что прекрасная Софронія стала супругой Тита Квинта! Вотъ за что вы укоряете, браните, осыпаете угрозами моего друга! А что бы вы сдѣлали, если бы онъ отдалъ вашу дочь въ руки человѣка безъ имени, негодяю или рабу? Какія пытки, тюрьмы, мученія могли бы насытить вашу месть? Но оставимъ навсегда эту неприятную тему.

Ударъ, который я ожидалъ въ далекомъ будущемъ, постигъ меня теперь: умеръ мой отецъ, и дѣла заставляютъ меня вернуться въ Римъ. Желая взять съ собою Софронію, я считалъ своимъ долгомъ раскрыть вамъ тайну, которую я, быть можетъ, слишкомъ долго хранилъ отъ васъ. Если вы благоразумны, мое сообщеніе не можетъ вамъ не понравиться. Васъ должно это радовать, потому что, если бы я захотѣлъ васъ обмануть или обидѣть, я могъ бы воспользоваться моею удачею бросить мою жену опозоренною и насмѣявшись надъ нею и вами уѣхать. Но боги не допустятъ, чтобы такая подлость могла когда-нибудь зародиться въ душѣ римлянина! Софронія, по волѣ боговъ, по благородству моего друга, по силѣ человѣческихъ законовъ, по невинной уловкѣ, продиктованной мнѣ любовью,—стала моею: вы же, считающіе себя мудреѣ боговъ и другихъ людей, оспариваете у меня мое законное право! Этимъ вы меня оскорбляете двумя способами одинаково несправедливыми и безразсудными. Во-первыхъ, вы задерживаете у себя Софронію, на которую не имѣете никакого права, а, во-вторыхъ, угрожаете Гизишпѣ, которому должны быть признательны. Я не хочу вамъ болѣе доказывать, до какой степени непослѣдовательно и безумно такое поведеніе, но какъ другъ совѣтую потушить вашу ненависть, прекратить угрозы и возвратить мнѣ Софронію, дабы я могъ разстаться съ вами какъ добрый родственникъ, сохранивъ навсегда чувства друга. Если совершившееся вамъ не нравится и если вы осмѣлитесь препятствовать естественнымъ послѣдствіямъ моей женитьбы, т. е. увозу Софроніи, то предупреждаю васъ, что уѣду съ Гизишпой и что по пріѣздѣ въ Римъ сумѣю найти средства снова получить, вопреки вашему сопротивленію, свою жену, и тогда вы узнаете по опыту, насколько слѣдуетъ опасаться справедливаго гнѣва римлянина!

Послѣ этой рѣчи Титъ всталъ съ недовольнымъ лицомъ, взялъ за руку Гизишпу и, грозно поднявъ голову, вышелъ изъ храма, съ разгнѣваннымъ видомъ, не обращая вниманія на оставшихся.

Оставшіеся въ храмѣ, убѣжденные его доводами, но еще больше утраченные послѣдними словами, были склонны заключить съ нимъ

дружбу и единогласно рѣшили, что лучше имѣть родственникомъ Тита, разъ таковымъ не пожелалъ сдѣлаться Гизипца, чѣмъ потерять родственную связь съ однимъ и приобрести вражду другого. И вотъ они отправились къ Титу и заявили ему, что согласны признать его родственникомъ, что Софронія останется его женой, а Гизиппа ихъ другомъ. Затѣмъ они обнялись съ Титомъ и послѣ обычнаго въ такихъ случаяхъ обмена дружескихъ пожеланій ушли и прислали къ нему Софронію. Последняя, какъ умная женщина, преклонилась передъ силой необходимости, перенесла на Тита любовь, которую питала къ Гизиппѣ и послѣдовала за мужемъ въ Римъ, гдѣ была встрѣчена съ большимъ почетомъ.

Гизиппа, оставшись въ Аѳинахъ, долженъ былъ терпѣть множество непріятностей со стороны своихъ согражданъ. Воспользовавшись отъѣздомъ Тита, они стали клеветать и интриговать противъ Гизиппы и довели дѣло до того, что онъ вмѣстѣ со всей семьей былъ осужденъ на вѣчное изгнаніе изъ Аѳинъ. Потерявъ все свое состояніе, онъ совершенно обѣднѣлъ и вида, что впадаетъ въ нищету, добрался кое-какъ до Рима въ надеждѣ, что память о немъ не совсѣмъ еще исчезла изъ сердца Тита. Прибывъ въ Римъ, онъ узналъ, что Титъ живъ, здоровъ и пользуется въ городѣ всеобщимъ уваженіемъ и любовью. Гизиппа стала у дверей его дома и выждалъ моментъ, когда тотъ выходилъ изъ дома: онъ настолько стыдился своего жалкаго состоянія, что не

смѣлъ заговорить съ Титомъ, хѳта принялъ все мѣры, чтобы тотъ его замѣтилъ, будучи вполне увѣренъ, что другъ его узнаеть и тотчасъ же окликнетъ. Но Титъ прошелъ мимо, не сказавъ ни слова. Гизиппа, думая, что онъ его замѣтилъ, но пренебрегъ имъ, удалился полный отчаянія и негодованія, вспомнивъ все, что онъ для него сдѣлалъ.

Наступила уже ночь, а несчастный афинянинъ еще ничего въ этотъ день не сдѣлалъ. Не имѣя ни денегъ, ни другихъ источниковъ для прожитанія и предпочитая умереть, онъ вышелъ изъ города и, бродя на удачу, увидѣлъ въ какомъ-то глухомъ мѣстѣ большую пещеру. Войдя туда, онъ бросается на землю, надѣясь уснуть отъ изнеможенія и орошая горькими слезами камень, служащій ему подушкой.

На другой день утромъ въ пещеру вошли два вора, чтобы раздѣлить между собою почную добычу. Между нимъ завязалась ссора, перешедшая въ драку, и одинъ изъ нихъ убилъ въ схваткѣ другого и убѣжалъ. Гизиппа, бывшій свидѣтелемъ преступленія, рѣшилъ, что судьба посылаетъ ему вѣрный способъ найти желанную смерть, не прибѣгая къ самоубійству. Онъ остался подлѣ трупа; когда стражники, оувѣдомленные уже объ убійствѣ, явились въ пещеру, они его схватили и отправили въ тюрьму. На допросѣ онъ тотчасъ же сознался въ убійствѣ и преторъ, по имени Варронъ, приговорилъ его по тогдашнимъ законамъ къ распятію на крестѣ.

Въ то время, когда Гизиппу собирались вести на казнь, въ преторію случайно зашелъ Титъ. Онъ посмотрѣлъ на мнимаго преступника и каково было его удивленіе, когда онъ узналъ въ немъ своего друга. Его первымъ желаніемъ было спасти Гизиппу. Но какъ? Какимъ образомъ? Онъ не зналъ иного, какъ обвинить самого себя. Принявъ это рѣшеніе, онъ воскликнулъ:

— О Варронъ, верни этого несчастнаго, онъ невиновенъ, — убійство совершилъ я. Увы! Я и безъ того достаточно прогнѣвилъ боговъ своимъ преступленіемъ, чтобы еще оскорбить ихъ, допустивъ, чтобы заслуженное мною наказаніе понесъ невинный.

Варронъ былъ крайне удивленъ и еще болѣе разсерженъ, что признаніе это слышали все находившіеся въ преторіи. Но не смѣя уклониться отъ постановленій закона, онъ приказалъ освободить Гизиппу и сказалъ ему въ присутствіи Тита:

— Что за безуміе добровольно признаться въ преступленіи, которое совершилъ другой и которое тебѣ стоило бы жизни. Ты объявилъ себя убійцей, а этотъ человекъ утверждаетъ, что убійца онъ!

Гизиппа поднялъ глаза и увидѣлъ Тита. Тутъ онъ почувствовалъ, что его упреки были несправедливы и что другъ принялъ на себя вину, чтобы спасти его.

И со слезами на глазахъ онъ сказалъ судьямъ:

— Убійца несомнѣнно никто иной какъ я; состраданіе Тита бесполезно — я долженъ погибнуть!

Титъ, въ свою очередь, воскликнулъ:

— Преторъ, ты видишь, что этотъ человѣкъ иностранецъ, знаешь, что его нашли въ пещерѣ безъ оружія, и тебѣ нетрудно догадаться, что онъ ищетъ смерти, чтобы освободиться отъ нищеты. Отпусти же его и предай меня наказанію, которое я заслужилъ.

Исключительность спора на подобную тему чрезвычайно удивила присутствующихъ и Варронъ, болѣе всѣхъ удивленный настойчивостью, съ которой эти два человѣка старались оправдать другъ друга, рѣшилъ, что ни одинъ изъ нихъ не былъ виновенъ.

Въ то время, какъ онъ изыскивалъ способъ, какъ бы освободить ихъ обоихъ, въ преторію явился молодой человѣкъ, по имени Публій Амбусть, извѣстный какъ негодяй и профессиональный воръ. Онъ то и совершилъ преступленіе, въ которомъ обвинялъ себя каждый изъ друзей. Тронутый состраданіемъ къ ихъ невинности, онъ былъ настолько охваченъ этимъ чувствомъ, что воскликнулъ:

— Преторъ! Я могу разрѣшить споръ между этими двумя людьми. Не знаю, что во мнѣ побуждаетъ повѣдать тебѣ мой грѣхъ. Ни одинъ изъ нихъ не виновенъ: человѣкъ, трупъ котораго нашли сегодня утромъ въ пещерѣ, убитъ мною. Когда мы съ товарищемъ дѣлили тамъ свою добычу, я замѣтилъ этого человѣка, который спалъ въ пещерѣ глубокимъ сномъ. Что касается Тита, то мнѣ нѣтъ надобности его оправдывать: его репутація достаточно говоритъ за него. Итакъ, судите меня и пусть казнь, которую требуетъ законъ, совершится надо мной.

Вѣсть объ этомъ, изъ ряда вонъ выходящемъ случаѣ дошла и до Октавіана. Онъ приказалъ привести къ себѣ всѣхъ трехъ, чтобы лично допросить ихъ и узнать, что заставляетъ ихъ просить смерти. Каждый рассказалъ ему всю правду, онъ отпустилъ двухъ невинныхъ и помиловалъ виновнаго, тронутый благородствомъ двухъ друзей.

Титъ увелъ своего друга Гизиппу, и, упрекнувъ его за недовѣрчивость, обнялъ его и взялъ въ свой домъ. Софронія приняла его весьма дружелюбно, она заботилась о возстановленіи его здоровья и всѣми силами старалась, чтобы онъ забылъ про свои несчастія.

Когда онъ поправился, Титъ отказалъ ему половину своего состоянія и выдалъ за него свою сестру Фульвію. Затѣмъ онъ сказалъ ему:

— Ты можешь остаться здѣсь со мной или возвратиться въ Аѳины и пользоваться тамъ всѣмъ, что я тебѣ далъ.

Но Гизиппа, будучи съ одной стороны вынужденъ, какъ изгнанникъ, жить вдали отъ родины, а съ другой, связанный узами нѣжной дружбы съ Титомъ, предпочелъ остаться въ Римѣ. Обѣ семьи жили въ одномъ домѣ, и ихъ дружба становилась съ каждымъ днемъ все тѣснѣе и тѣснѣе.

Какое святое чувство—дружба! Сколь уваженія и хвалы она заслуживается! Именно она порождаетъ, питаетъ и поддерживаетъ лучшія чувства благородства, на которое только способно человѣческое сердце. Эта сестра состраданія и признательности является врагомъ всѣхъ по-

роковъ и въ особенности скарденности: она всегда полна усердія, чтобы заставить насъ сдѣлать для другого то, что мы бы хотѣли сдѣлать для самихъ себя. Но увы! какъ рѣдко теперь встрѣчаются такія святѣйшія узы дружбы! Люди стали эгоистичны и себялюбивы и изгнали это божественное чувство съ лица земли. Какое иное чувство, какая другая сила могли возбудить въ душѣ Гизишпы рѣшеніе отвѣтить на слезы и жалобы друга отказомъ отъ прелестной и нѣжно любимой женщины въ пользу друга?—Конечно, только дружба. Какіе законы, какъ не законы дружбы могли удержать руки Гизишпы отъ объятій молодой женщины, которая покоилась на его собственномъ ложѣ, ждала и даже, быть можетъ, звала его? Какой страхъ могъ заставить Гизишпу потерять столь прекрасный случай удовлетворенія своихъ желаній въ тѣ годы, когда считаешь для себя все доступнымъ, какъ не боязнь обидѣть друга и нарушить данное ему обѣщаніе? Какія блага, какія почести могли побудить Гизишпу потерять расположеніе своихъ родныхъ и родителей Софроніи, пренебречь упреками и злыми издѣвательствами? — Одна только дружба могла придать ему необходимое для сего мужество.

Съ другой стороны, что могло заставить Тита идти навстрѣчу смерти, чтобы спасти отъ нея друга? Конечно, только дружба. Затѣмъ, какое чувство могло возбудить въ его душѣ столько благородства, что онъ рѣшилъ раздѣлить свое имущество съ Гизишпой, котораго судьба ввергла въ нищету? И что какъ не святая дружба могла его заставить отдать свою сестру за человѣка, всѣми отвергнутаго?

Почему же люди стремятся къ тому, чтобы пріобрѣсти побольше родни, братьевъ и дѣтей, увеличить число слугъ и не интересуются тѣмъ, чтобы пріобрѣсти истиннаго друга? Бываютъ случаи, когда остаешься покинутымъ родными, брошеннымъ слугами, но стоитъ найти друга, и онъ одинъ можетъ возмѣстить полностью эту потерю.

Новелла IX.

Хорошій поступокъ всегда вознаграждается.

Саладинъ, путешествуя подъ видомъ купца, пользуется широкимъ гостеприимствомъ мессира Торелло. Отправляясь затѣмъ въ крестовый походъ, Торелло даетъ своей женѣ срокъ для вторичнаго выхода замужъ. Его берутъ въ плѣнъ и отправляютъ къ султану, который оставляетъ его у себя въ качествѣ сокольника. Султанъ узнаетъ его, напоминаетъ о себѣ и оказываетъ ему великія почести. Торелло заблѣваетъ и помощью волшебства переносится за одну ночь въ Павію, гдѣ попадаетъ на свадебный пиръ къ своей женѣ; она узнаетъ его и возвращается къ нему.

Когда Филомена умолкла, всѣ похвалили благородную признательность Тита. Король, оставляя за Діонео обычную льготу, началъ такъ:

Въ царствованіе императора Фридриха I, христіанскіе народы по свидѣтельству историковъ рѣшили для открытія Святой Земли переплыть море. Саладинъ, тогдашній вавилонскій султанъ, узнавъ объ этомъ, рѣшилъ лично посмотрѣть на приготовления къ походу христіанъ, чтобы имѣть возможность успѣшнѣе оказать имъ сопротивленіе. Приведя въ порядокъ дѣла въ Египтѣ и сообщивъ, что отправляется на поклоненіе въ святаыя мѣста, онъ уѣхалъ, переодѣвшись купцомъ, съ двумя друзьями и тремя слугами. Проѣхавъ многія христіанскія земли, онъ прибылъ въ Ломбардію, направляясь по ту сторону Альпъ. Переѣзжая изъ Милана въ Павію онъ встрѣтился какъ-то вечеромъ съ однимъ дворяниномъ, по имени Торелло д'Истрія, павіанскимъ уроженцемъ, который ѣхалъ съ многочисленнымъ штатомъ прислуги, со сворой собакъ и ловчими птицами, чтобы провести нѣсколько дней въ своемъ имѣніи на берегу Тичино. Онъ принялъ Саладина и его спутниковъ за знатныхъ иностранцевъ и пожелалъ оказать имъ любезность.

Къ этому представился удобный случай. Одинъ изъ слугъ Саладина спросилъ у слуги Торелло, далеко ли до Пави и успѣютъ ли они туда прибыть до закрытія городскихъ воротъ. Ему отвѣтилъ самъ Торелло.

— Сударь, — сказалъ онъ Саладину, — вы не можете поспѣть туда во время какъ бы вы ни торопились.

— Въ такомъ случаѣ укажите намъ, пожалуйста, гдѣ мы могли бы остановиться на ночь, потому что мы иноземцы и не знаемъ мѣстности.

— Съ удовольствіемъ, — отвѣтилъ Торелло, — я какъ разъ только что собирался послать одного изъ моихъ людей по дѣлу въ одно мѣсто вблизи Пави, онъ проведитъ васъ и укажетъ, гдѣ вы можете съ удобствомъ переночевать.

Затѣмъ онъ позвалъ одного изъ наиболее смѣшленныхъ слугъ и приказалъ ему проводить чужестранцевъ въ свое помѣстье окольнымъ путемъ такъ, чтобы онъ успѣлъ пріѣхать туда раньше гостей.

Быстро направившись къ своему имѣнію, онъ тотчасъ же распорядился, чтобы приготовили хорошій ужинъ и накрыли столы въ саду. Затѣмъ онъ сталъ у воротъ поджидать гостей.

Тѣмъ временемъ проводникъ, отвлекая спутниковъ оживленной бесѣдой, пошелъ окольнымъ путемъ и подвелъ ихъ къ дому своего господина, такъ что они этого не замѣтили. Какъ только послѣдній ихъ увидѣлъ, онъ поспѣшилъ къ нимъ навстрѣчу со словами:

— Добро пожаловать, дорогіе гости!

— Сообразительный Саладинъ сейчасъ же понялъ уловку Торелло и обратился къ нему съ такой рѣчью:

Синьоръ! Если бы было возможно жаловаться на вѣжливость и рыцарство, мы имѣли бы достаточно причинъ принести такую жалобу на васъ за то, что вы хотя и увеличили нашъ путь, но принудили насъ воспользоваться вашимъ гостепримствомъ, которымъ мы весьма тронуты и котораго ничѣмъ не заслужили.

Рыцарь, который былъ уменъ и краснорѣчивъ, отвѣтилъ:

— Синьоръ! Оказанная мною вѣжливость ничто въ сравненіи съ тѣмъ, что вы заслуживаете, если ваша вѣжливость меня не обманываетъ. Но вблизи Пави нигдѣ не найти сноснаго пристанища, поэтому не сожалѣйте, что немного свернули съ дороги.

Въ это время вокругъ гостей собрались всѣ слуги Торелло, чтобы прислуживать имъ. Иностранцевъ проводили въ отведенные для нихъ покои, гдѣ они въ ожиданіи ужина освѣжились, слушая интересную бесѣду хозяина.

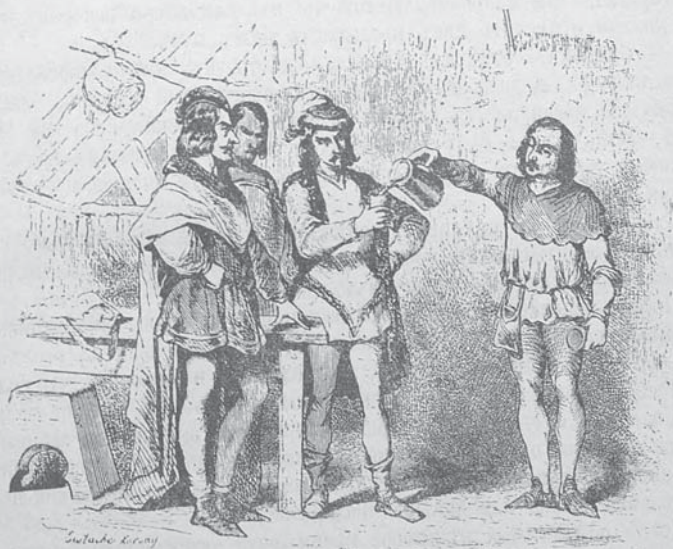
Саладинъ и его два друга знали латинскій языкъ, такъ что со вниманіемъ слушали и, въ свою очередь, были поняты Торелло. Хозяинъ показался имъ самымъ приятнымъ, любезнымъ и интереснымъ человѣкомъ, какого они только встрѣчали. Торелло со своей стороны былъ очень высокаго мнѣнія объ этихъ иностранцахъ и сожалѣлъ лишь о томъ, что не могъ имъ въ этотъ вечеръ дать лучшее общество и лучшій ужинъ,

предполагая исправить это на слѣдующій день. Онъ немедленно далъ необходимыя наставленія одному изъ своихъ слугъ, чтобы тотъ отпра- вился къ его женѣ, женщинѣ очень умной и благородной. Затѣмъ онъ проводилъ гостей въ садъ и спросилъ, кто они такіе.

— Мы купцы изъ Кипра, — отвѣтилъ Саладинъ, — и ѣдемъ въ Парижъ по дѣламъ.

— Дай Богъ, — воскликнулъ Торелло, — чтобы эта страна рождала дворянъ, которые походили бы на кипрскихъ купцовъ!

Такъ за пріятными разговорами подошло время ужина. Торелло при- гласилъ ихъ сѣсть къ столу въ какомъ имъ удобно порядкѣ. Ужинъ,

не отличавшійся великолѣпіемъ, былъ, тѣмъ не менѣе, очень хорошъ, что было тѣмъ болѣе удивительно, что его приготовили спѣшно.

Послѣ ужина тотчасъ же поднялись со стола и Торелло, опасаясь, что гости утомлены, проводилъ ихъ въ спальни и самъ отпра- вился отдохнуть.

— Слуга, посланный въ Павію, исполнилъ возложенное на него порученіе. Жена Торелло тотчасъ же собрала многочисленныхъ друзей и всю прислугу. Она устроила роскошный праздникъ, на который были приглашены самые почтенные жители города, убрала домъ шелковыми матеріями, вѣнками, коврами, словомъ устроила все, какъ ей указалъ мужъ.

На утро, когда гости встали, Торелло выѣхалъ вмѣстѣ съ ними верхомъ къ сосѣдней рѣчкѣ и показалъ имъ соколинную охоту. Но Саладинъ, сѣвшій въ Павію, спросилъ, не можетъ ли кто-нибудь указать ему лучшую гостиницу въ городѣ.

— Я провожу васъ,—сказалъ рыцарь,—такъ какъ дѣла зовутъ меня въ Павію.

Тѣ повѣривъ ему отправились вмѣстѣ въ городъ, куда прибыли къ девяти часамъ и думая, что заѣхали въ лучшую гостиницу по указанію Торелло, очутились въ его собственномъ домѣ.

Ихъ встрѣтило болѣе пятидесяти знатныхъ гражданъ.

— Это совсѣмъ не то, о чемъ мы васъ просили,—сказалъ Саладино Торелло.—Вы слишкомъ достаточно сдѣлали вчера вечеромъ, и значить можете отпустить насъ продолжать нашъ путь.

— Синьоръ,—отвѣчалъ Торелло—за то, что мнѣ удалось сдѣлать для васъ вчера, я долженъ благодарить счастливый случай, благодаря которому вы свернули съ дороги и нашли гостепримство въ моемъ домикѣ. Теперь же я буду считать себя обязаннымъ только вамъ, если вы окажете мнѣ честь, которую раздѣлять всѣ эти господа, и отобѣдаете съ нами сегодня.

Саладинъ и его спутники, побѣжденные такой вѣжливостью, сошли съ коней. Именитые гости проводили ихъ въ роскошно убранные покои, приготовленные специально для нихъ.

Послѣ исполненія обрядовъ гостепримства, они направились въ роскошно убранный залъ. Послѣ омовенія рукъ всѣ сѣли за столъ. Онъ былъ убранъ съ такимъ вкусомъ, великолѣпиемъ и роскошью, что если бы явился самъ императоръ, то и его нельзя было бы лучше принять. Хотя Саладинъ и его спутники были сами люди знатные и привыкшіе къ роскоши, они однако удивились такому великолѣпію, тѣмъ болѣе, что знали, что хозяинъ обыкновенный горожанинъ, а не какой-нибудь владѣтельный князь или знатный вельможа.

Послѣ обѣда гости нѣкоторое время вели оживленную бесѣду, затѣмъ мѣстные приглашенные отправились немного отдохнуть, потому что было очень жарко, Торелло же остался съ гостями и повелъ ихъ въ отдѣльную комнату. Желая показать имъ все, что только у него было самаго цѣннаго и дорогого, онъ приказалъ позвать свою милую и добродѣтельную жену.

Она явилась въ богатомъ сдѣяніи въ сопровожденіи двухъ малютокъ, прекрасныхъ, какъ ангелы. Приблизившись къ иностранцамъ, молодая женщина граціозно поклонилась. Тѣ поднялись, отвѣсили низкій поклонъ, просили ее сѣсть съ ними и приласкали дѣтей. Послѣ взаимныхъ привѣтствій она спросила, кто они и куда направляются. Гости отвѣтили то же, что и мужу.

— Я вижу,—сказала тогда имъ молодая женщина,—что мои намѣренія оказались весьма кетати. Я хочу попросить васъ не отказать

принять отъ меня небольшіе подарки, которые я для васъ приготовила. Женщины по своимъ ничтожнымъ способностямъ и силамъ дѣлаютъ и маленькіе подарки: но обратите, пожалуйста, вниманіе не на ихъ цѣнность, а на доброе желаніе той, которая ихъ даритъ.

Приказавъ затѣмъ подать каждому изъ нихъ роскошныя одежды, сшитыя не для простыхъ гражданъ, а для знатныхъ вельможъ, а также бархатныя шаровары и бѣлье, она сказала:

— Примите, пожалуйста, эти платья, мой мужъ получилъ сегодня такія же. Что касается остального, то это пустяки, но я знаю, что вы вдали отъ вашихъ женъ, что совершили длинное путешествіе и что вамъ предстоитъ еще далекій путь, и думаю, что эти вещи вамъ пригодятся, такъ какъ купцы—народъ привыкшій къ чистотѣ и аккуратности.

Путники увидѣли, что мессиръ Торелло ничего не забылъ и предвидѣлъ все, чтобы оказать имъ вниманіе и услугу. Видя, какія пышныя одежды имъ приготовили, они испугались, не узналъ ли Торелло, кто они: одинъ изъ нихъ отвѣтилъ:

— Сударыня, эти подарки настолько дороги, что мы не приняли бы ихъ такъ легко, если бы способъ, коимъ вы ихъ предложили, могъ быть встрѣченъ отказомъ.

Торелло, не присутствовавшій при этомъ разговорѣ, вскорѣ вернулся, а жена простившись ушла, не забывъ одарить также и слугъ. Торелло удалось упросить гостей, чтобы они провели остатокъ дня съ нимъ. Отдохнувъ немного, они одѣлись въ новое платье и отправились верхомъ осматривать городъ. По возвращеніи былъ поданъ роскошный ужинъ, за которымъ иностранцы встрѣтили интересное общество. Затѣмъ они отправились спать.

На другой день утромъ они встали и пошли за своимъ лошадьми, но вмѣсто измученныхъ животныхъ они нашли какъ для себя, такъ и для слугъ великолѣпныхъ свѣжихъ коней.

— Клянусь Богомъ,—вскричалъ Саладинъ, обращаясь къ своимъ спутникамъ,—что никогда еще не было болѣе гостепріимнаго, щедраго и предупредительнаго человѣка, чѣмъ нашъ хозяинъ! И если христіанскіе правители такіе же короли, какъ онъ рыцарь, то султанъ вавилонскій не сможетъ оказать сопротивленіе, не скажу всѣмъ тѣмъ, которые на него попадутъ, но, по крайней мѣрѣ, одному.

Видя, что бесполезно отказываться отъ этого новаго подарка, они приняли его, поблагодарили и уѣхали. Торелло съ компаніей друзей проводилъ ихъ далеко за городъ. Хотя Саладинъ, успѣвшій уже полюбить Торелло, покидалъ его съ сожалѣніемъ, однако, онъ настоялъ, чтобы они вернулись. Торелло, не менѣе огорченный предстоящей разлукой, сказалъ:

— Я исполню ваше приказаніе. Я не знаю, кто вы такіе, и стремлюсь узнать настолько, насколько это вамъ нравится, но кто бы вы ни были,

вы не заставите меня повѣрить, что вы кунцы. Прощайте! Богъ въ помощь!

Саладинъ, простившись со всѣми, отвѣтилъ Торелло:—Быть можетъ случится, что вы увидите кое-что изъ нашихъ товаровъ, что подтвердить вамъ мнѣнiе. Прощайте!

Саладинъ отправился въ путь со своими спутниками и мысленно далъ торжественный обѣтъ, что если судьба пощадитъ его въ предстоящей войнѣ, то онъ окажетъ Торелло такія же почести, какими самъ отъ него пользовался. Онъ долго бесѣдовалъ со своими спутниками о немъ, о его женѣ, о разговорахъ, поступкахъ и отзывался съ большой похвалою обо всемъ, что видѣлъ и слышалъ у этого благороднаго рыцаря.

Обѣхавъ всѣ страны Западной Европы, онъ вновь отплылъ въ Александрію, отлично освѣдомленный о силахъ непріятеля, и сталъ готовиться къ защитѣ.

Мессиръ Торелло, вернувшись въ Павію долго раздумывалъ объ этихъ иноземцахъ, но такъ-таки не узналъ, кто они.

Когда наступило время, назначенное для отбѣзда крестоносцевъ, и всѣ стали готовиться въ путь, Торелло, несмотря на просьбы и слезы жены, рѣшилъ слѣдовать за ними. Устроивъ свои дѣла, онъ передъ самымъ отбѣздомъ обратился къ женѣ съ такою рѣчью:

— Дорогая моя! Я хочу отправиться въ этотъ походъ какъ ради славы, такъ и для спасенія души. Поручаю тебѣ всѣ наши дѣла и имущество. Такъ какъ на моемъ трудномъ, опасномъ пути могутъ встрѣтиться тысячи препятствій и несчастій, прошу тебя объ одной милости: какова бы ни была моя судьба, если ты не будешь имѣть обо мнѣ извѣстій—жди меня одинъ годъ, одинъ мѣсяцъ и одинъ день, считая со дня моего отбѣзда.

— Не знаю, другъ мой,—отвѣчала съ плачемъ жена,—какъ я перенесу разлуку; но если моя жизнь пересилитъ мою печаль, то будь увѣренъ, что я останусь вѣрной своей клятвѣ и памяти о Торелло, будешь ли ты живъ или погибнешь.

— Я не сомнѣваюсь,—возразилъ Торелло,—въ искренности твоихъ обѣщаній и убѣжденъ, что ты сдѣлаешь все отъ тебя зависящее, чтобы сдержать ихъ. Но ты молода, хороша, знатнаго рода, извѣстна своей добродѣтелью и поэтому весьма вѣроятно, что, когда у насъ станетъ извѣстно о моей смерти, многіе изъ самыхъ почтенныхъ дворянъ тотчасъ же попросятъ твоей руки у твоихъ родителей и братьевъ. И ты даже противъ своего желанія не сможешь не повиноваться ихъ требованіямъ. Вотъ почему я прошу у тебя годъ срока и не требую большаго.

— Я сдѣлаю все, что смогу—отвѣтила любящая жена,—чтобы сдержать свои обѣщанія, но если я рано или поздно буду вынуждена поступить иначе, то будь увѣренъ, что ничто не заставитъ меня поступить вопреки твоему сегодняшнему указанію. Ожидая тебя, я буду молить Бога, чтобы онъ сохранилъ меня отъ такой утраты.

Послѣ этихъ словъ, прерываемыхъ рыданіями, она сняла съ пальца перстень и отдала мужу, говоря:

— Если случится, что я умру раньше, чѣмъ мы свидимся, пусть это кольцо напоминаетъ тебѣ обо мнѣ.

Торелло взявъ кольцо, вскочилъ на коня и, пославъ всѣмъ послѣдній привѣтъ, отправился въ путь.

Прибывъ въ Геную, онъ съѣлъ со своей дружиной на корабль и отплылъ въ Акру, гдѣ присоединился къ остальнымъ христіанскимъ воинамъ. Среди этого войска вскорѣ появились болѣзни и страшная смертность, оставшіеся же въ живыхъ попали въ плѣнъ къ Саладину. Среди послѣднихъ былъ и Торелло, котораго отправили въ Александрій-

скую тюрьму. Здѣсь его никто не зналъ и онъ, боясь быть узнаннымъ и въ силу необходимости, занялся выучкой ловчихъ птицъ. Онъ былъ мастеромъ этого дѣла, и султанъ, узнавъ и оцѣнивъ его талантъ, возвратилъ ему свободу и сдѣлалъ его своимъ сокольничимъ. Саладинъ и Торелло не узнали другъ друга. Плѣнникъ не переставалъ думать о своемъ отечествѣ и измышлять способъ для побѣга.

Случилось, что въ Александрію пріѣхали послы изъ Генуи для переговоровъ съ Саладиномъ о выкупѣ своихъ плѣнныхъ согражданъ. Когда они уѣзжали, Торелло рѣшилъ передать черезъ нихъ письмо къ женѣ; онъ писалъ ей, чтобы она его ждала, увѣряя, что вернется

при первой возможности. Передавъ письмо одному изъ пословъ, котораго онъ лично зналъ, онъ упросилъ вручить его абатту церкви Св. Петра, который приходился ему дядей.

Въ такомъ положеніи были дѣла Торелло, когда, однажды, бесѣдуя съ Саладиномъ о птицахъ, онъ почему то улынулся и сдѣлалъ ртомъ особое движеніе, на которое Саладинъ обратилъ вниманіе, еще будучи у него въ гостяхъ въ Павіи. Этотъ жестъ вызвалъ въ его памяти воспоминаніе о гостепріимномъ хозяинѣ; онъ началъ внимательно всматриваться въ плѣнника и ему показалось, что онъ въ немъ узналъ именно того знакомаго изъ Павіи.

— Скажи мнѣ, христіанинъ,—спросилъ онъ,—откуда ты родомъ?

— Государь,—отвѣтилъ Торелло,—я ломбардецъ, человѣкъ незначнаго рода изъ города, называемаго Павіей.

Этотъ отвѣтъ подтвердилъ предположенія султана.

— Богъ послалъ мнѣ случай,—сказалъ онъ самъ себѣ,—показать этому человѣку, насколько мнѣ было пріятно его радушіе. Приказавъ собрать въ одну комнату все свои платья, онъ ввелъ туда Торелло.

— Взгляни-ка, христіанинъ,—сказалъ онъ,—нѣтъ ли среди этихъ вещей платья, которое ты когда-нибудь уже видѣлъ.

Торелло, пересмотрѣвъ все платья, увидалъ тѣ, которыя его жена когда-то подарила иноземнымъ гостямъ, но не смѣлъ повѣрить своимъ глазамъ.

— Государь,—отвѣтилъ онъ,—ни одно мнѣ не знакомо; правда, два платья похожи на то, которое я носилъ и два такихъ же я подарилъ тремъ купцамъ, которые у меня гостили.

Тутъ Саладинъ, не будучи болѣе въ силахъ сдерживать свою радость, нѣжно обнялъ его и сказалъ:

— Вы—мессиръ Торелло д'Истрія, а я одинъ изъ купцовъ, которымъ ваша жена подарила платья. Теперь настало время, когда я показалъ вамъ свой товаръ; помните я вамъ говорилъ передъ отъѣздомъ, что это можетъ случиться.

Торелло почувствовалъ въ этотъ моментъ и радость и стыдъ; радость, что у него былъ такой знатный гость, а стыдъ, что онъ его принялъ, какъ ему казалось, недостаточно роскошно.

— Дорогой другъ,—сказалъ ему Саладинъ,—разъ судьба привела васъ сюда, то помните, что хозяинъ здѣсь ужъ не я, а вы.

Обласкавъ его, Саладинъ приказалъ одѣть его въ царскія одежды и представилъ его самымъ знатнымъ царедворцамъ. Расточая ему похвалы, онъ приказалъ воздавать Торелло такія же почести, какъ ему самому, если кто желаетъ пользоваться его царской милостью. Все повиновались этому приказу, въ особенности же тѣ, которые сопровождали Саладина въ его путешествіи по Европѣ.

Быстрое превращеніе Торелло изъ раба въ высшаго сановника заставило его на нѣкоторое время потерять изъ виду, что дѣлается въ

Ломбардіи. Впрочемъ, онъ былъ увѣренъ, что дядя получилъ его письмо.

Между тѣмъ, въ тотъ день, когда Саладинъ взялъ въ плѣнъ множество христіанъ, былъ убитъ одинъ провансальскій рыцарь по имени Торелло де-Динь. Онъ былъ вовсе неизвѣстенъ среди войска, такъ что всякій, кто узнавалъ о смерти Торелло, думалъ, что рѣчь идетъ о мессирѣ Торелло д'Истрий. Когда онъ исчезъ, попавъ въ плѣнъ, слухъ этотъ окончательно утвердился, такъ что многіе итальянцы распространили эту вѣсть, а нѣкоторые такъ усердствовали, что увѣряли, будто сами видѣли его мертвымъ и присутствовали на его похоронахъ.

Это извѣстіе повергло въ печаль и горе не только жену и родныхъ Торелло, но и всѣхъ его знакомыхъ. Слишкомъ долго было бы описывать горе, слезы и печаль молодой вдовы.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ и она начала понемногу успокаиваться: вскорѣ за нее стали свататься многіе знатные ломбардцы, при чемъ родные настойчиво убѣждали ее остановиться на комъ-нибудь изъ нихъ. Она долго отказывалась, но, наконецъ, сдалась на просьбы родителей, но отложила замужество до срока, назначеннаго Торелло.

Когда все это происходило въ Павіи, Торелло встрѣтился въ Александріи съ однимъ человѣкомъ, котораго онъ видѣлъ въ свитѣ генуэзскихъ посланцевъ и который уѣхалъ вмѣстѣ съ ними въ Геную. Торелло заговорилъ съ нимъ и сталъ разспрашивать про ихъ путешествіе.

— О сударь,—отвѣчалъ тотъ,—плаванье было очень несчастливое. Я разстался съ посланниками на Критѣ, гдѣ остановился на нѣкоторое время. Вскорѣ туда дошли слухи, что когда корабль подъѣзжалъ къ Сициліи поднялся страшный сѣверный вѣтеръ, который отнесъ ихъ къ варварійскимъ скаламъ. Корабль разбился и весь экипажъ и бывшіе тамъ мои два брата погибли.

Торелло, не сомнѣваясь въ правдивости этого разсказа (такъ оно и было), вспомнилъ, что скоро истекаетъ срокъ, указанный имъ женѣ, и сообразилъ, что, не получая отъ него никакихъ извѣстій, она можетъ вторично выйти замужъ. Эта мысль сразу лишила его покоя и повергла въ такую печаль, что онъ сильно заболѣлъ и молилъ судьбу о смерти.

При этомъ извѣстїи Саладинъ, сильно любившій Торелло, поспѣшилъ къ нему и заставилъ его просьбами и мольбой открыть причину болѣзни.

Узнавъ, въ чемъ дѣло, Саладинъ упрекнулъ его за то, что онъ раньше не открылъ своего горя, просилъ его успокоиться, увѣряя, что, если онъ захочетъ, то будетъ въ Павіи къ указанному сроку.

Мессиръ Торелло, питавшій большое довѣріе къ султану, не сомнѣвался въ возможности столь быстраго переѣзда и только торопилъ Саладина поскорѣе это устроить. Послѣдній приказалъ привести къ себѣ мага, искусство котораго уже не разъ испыталъ, и приказалъ ему найти средство, чтобы Торелло былъ за одну ночь перенесенъ на своей по-

стели въ Павію. Магъ отвѣчалъ, что это возможно, но необходимо усыпить рыцаря.

Саладинъ, сдѣлавъ надлежащія распоряженія, вернулся къ своему другу и найдя его попрежнему готовымъ умереть, если онъ не поспѣетъ къ сроку въ Павію, обратился къ нему съ такими словами:

— Мой дорогой Торелло! Если вы нѣжно любите свою жену и опасаетесь, что она можетъ выйти за другого, то я ничего не могу на это возразить. Ибо изъ всѣхъ женщинъ, которыхъ я когда-либо видѣлъ, она стоитъ выше всѣхъ по своему праву, манерамъ, добродѣтели и т. д., не говоря ужъ о красотѣ, которая, впрочемъ, не такъ важна, ибо это цвѣтокъ, быстро увядающій. Я былъ очень счастливъ, когда судьба привела васъ сюда, такъ какъ надѣялся провести съ вами остатокъ дней, который небо мнѣ опредѣлило, и раздѣлить съ вами мою славу, почести, богатство и власть. Но небо, повидимому, не признало меня достойнымъ столь великаго удовлетворенія. Разъ нѣтъ средства васъ удержать, то жаль, что я не зналъ о вашемъ намѣреніи гораздо раньше, чтобы провѣдывать васъ съ подобающими почестями. Но такъ какъ теперь это невозможно, я отправляю васъ какъ могу, а не какъ желалъ бы.

— Государь, — отвѣчалъ Торелло, — то, что вы для меня сдѣлали, слишкомъ хорошо доказываетъ ваше расположеніе, и вамъ нѣтъ надобности прибавлять новое доказательство своей доброты. Я ее не забуду до гроба. Но такъ какъ я долженъ ѣхать, то умоляю васъ скорѣе сдѣлать то, что вы обѣщали, потому что завтра послѣдній срокъ.

Саладинъ обѣщаль исполнить его просьбу. На слѣдующій день, предполагая отправить Торелло въ ту же ночь, Саладинъ приказалъ поставить въ большой залъ великолѣпную кровать, съ матрацами, украшенными по тогдашней модѣ и покрытыми бархатомъ и золотыми тканями, а надъ кроватью балдахинъ, шитый крупнымъ жемчугомъ и дорогими алмазами. Къ балдахину были придѣланы въ видѣ полога богатые занавѣси.

Словомъ, кровать была образцомъ красоты и роскоши. Затѣмъ онъ повелѣлъ одѣть Торелло въ сарацинскую одежду, самую богатую, какую только можно было найти.

Передъ вечеромъ онъ вошелъ въ сопровожденіи множества сановниковъ въ комнату своего друга и, сѣвъ рядомъ съ нимъ, сказалъ со слезами на глазахъ:

— Другъ мой Торелло! Приближается часъ нашей разлуки. Не имѣя возможности ни лично васъ сопровождать, ни поручить это другому, вслѣдствіе дальности разстоянія и способа, какимъ вы совершите путешествіе, я долженъ проститься съ вами здѣсь, въ этой комнатѣ. Но ради дружбы, которая насъ связываетъ, прошу васъ не забывать меня и посѣтить меня еще разъ послѣ устройства вашихъ дѣлъ, чтобы вознаградить меня новой радостью за то горе, которое мнѣ причиняетъ вашъ внезапный отъѣздъ. Въ ожиданіи этого прошу васъ писать мнѣ

возможно чаще и просить у меня все, что вамъ захочется: будьте увѣрены, что я сдѣлаю для васъ что угодно охотнѣе, чѣмъ для кого бы то ни было.

Торелло не могъ сдержатъ горькихъ слезъ и, удрученный печалью, съ трудомъ произнесъ нѣсколько словъ, въ которыхъ увѣрялъ, что никогда не забудетъ ни его благодарннй, ни рѣдкихъ доблестей и въ точности исполнить его приказанія, если Богъ продлитъ его жизнь.

Саладинъ горячо обнялъ и поцѣловалъ его, со слезами на глазахъ простился и вышелъ изъ комнаты.

Всѣ сановники послѣдовали его примѣру и отправились за нимъ въ залу, гдѣ была приготовлена кровать.

Было уже поздно и магъ ждалъ только приказаній, чтобы приступить къ сеансу, тогда пришелъ врачъ и далъ Торелло подъ видомъ подкрѣпляющаго напитка снотворное питье.

Какъ только Торелло вышилъ его, онъ тотчасъ жъ уснулъ глубокимъ сномъ.

Тогда Саладинъ приказалъ перенести его на приготовленную постель и положилъ подлѣ рыцаря большой драгоценнѣйшій вѣнокъ съ надписью, что онъ предназначенъ въ даръ его женѣ. Потомъ онъ надѣлъ на его палецъ перстень съ огромнымъ сверкающимъ рубиномъ. Кромѣ того, онъ приказалъ опоясать его мечемъ, покрытымъ множествомъ драгоценныхъ камней, и положилъ у изголовья двѣ золотыя вазы, наполненныя дукатами и массой драгоценностей, которыя долго было бы перечислять.

Въ заключеніе, онъ еще разъ поцѣловалъ Торелло и приказалъ магу приступить къ дѣлу. И вотъ кровать вдругъ исчезла, а Саладинъ не переставалъ говорить о своемъ другѣ съ приближенными.

Между тѣмъ мессиръ Торелло находился уже въ церкви св. Петра въ Павіи, какъ онъ просилъ, вмѣстѣ со всѣми драгоценностями, о которыхъ было упомянуто. Когда позвонили къ заутрени и въ церковь вошелъ со свѣтильникомъ въ рукѣ причетникъ, Торелло еще спалъ.

Увидѣвъ неожиданно богатую кровать, блиставшую драгоценностями, онъ былъ такъ пораженъ и испуганъ, что выбѣжалъ стремглавъ изъ церкви и бросился къ настоятелю и монахамъ, которые при видѣ его испуганнаго лица спросили, что случилось. Причетникъ имъ объяснилъ.

Сперва они подумали, что это галлюцинація, но потомъ, собравшись, что онъ не ребенокъ и не въ первый разъ входитъ въ пустую церковь, рѣшили пойти посмотрѣть, въ чемъ дѣло. Зажгли нѣсколько свѣтильниковъ и настоятель съ монахами отправились въ церковь.

Войдя туда, они увидали кровать и спящаго на ней человѣка. Пока они стояли въ страхѣ и недоумѣнн, не смѣя приблизиться,

Торелло, испустивъ глубокой вздохъ, проснулся. Монахи вмѣстѣ съ настоятелемъ воскликнули.

— Господи, помилуй насъ грѣшныхъ!—и пустились бѣжать.

Торелло открылъ глаза и оглянувшись вокругъ убѣдился, что находится въ томъ мѣстѣ, куда просилъ султана его доставить. Поднявшись на постели, онъ увидѣлъ драгоцѣнности и еще болѣе убѣдился въ щедрости и благородствѣ Саладина. Между тѣмъ, видя, что всѣ разбѣжались, и зная, что онъ былъ этому причиной, Торелло не двигаясь съ мѣста громко окликнулъ настоятеля по имени, прибавивъ что онъ Торелло, его племянникъ.

Настоятель, считавшій его мертвымъ, еще больше испугался. Наконецъ, успокоившись немного и осѣнивъ себя крестнымъ знаменіемъ, онъ приблизился къ кровати.

— Чего вы боитесь, святой отецъ?—спросилъ его рыцарь.—Я слава Богу, живъ и только что прибылъ изъ заморскихъ странъ.

Хотя племянникъ измѣнился благодаря длинной бородѣ и сарацинской одеждѣ, однако настоятель его узналъ и окончательно успокоившись сказалъ.

— Добро пожаловать, сынъ мой; не удивляйся нашему испугу. Нѣтъ ни одного человѣка въ городѣ, который считалъ бы тебя въ живыхъ и эта вѣсть окончательно подтвердилась тѣмъ, что твоя супруга Адалета, уступивъ настояніямъ родныхъ, сегодня выходитъ замужъ. Все уже готово для обряда и свадебнаго пира.

Мессиръ Торелло поднялся съ своего ложа, съ радостью привѣтствовалъ настоятеля и монаховъ и просилъ ихъ не говорить никому ни слова о его возвращеніи, пока онъ не устроитъ нѣкоторыхъ спѣшныхъ дѣлъ.

Затѣмъ, отдавъ на сохраненіе всѣ свои драгоцѣнности, онъ рассказалъ дядѣ о своихъ приключеніяхъ. Последній, очень обрадованный его счастливой судьбой, вознесъ вмѣстѣ съ нимъ благодарственную молитву Богу. Затѣмъ Торелло спросилъ, кто такой женихъ Адалеты; настоятель ему сказалъ.

— Теперь,—сказалъ Торелло,—пока узнаютъ о моемъ возвращеніи, я хочу видѣть, въ какомъ настроеніи будетъ моя жена на свадьбѣ; по этому, хотя не принято, чтобы духовные присутствовали на свадебномъ пиру, я прошу васъ, святой отецъ, устроить такъ, чтобы мы могли пойти туда вмѣстѣ.

Настоятель отвѣтилъ, что ради него, готовъ это сдѣлать. Когда наступилъ день, онъ послалъ сказать жениху, что хотѣлъ бы быть у него на свадьбѣ съ однимъ изъ своихъ друзей. Тотъ отвѣчалъ, что почтеть это за честь и будетъ очень радъ видѣть ихъ у себя.

Торелло въ сарацинской одеждѣ отправился съ настоятелемъ въ домъ жениха. Всѣ съ любопытствомъ смотрѣли на знатнаго иностранца, но никто не узналъ его. Когда настоятеля спрашивали, кто это такой, онъ

говорилъ всѣмъ, что это сарацинъ, котораго султанъ отправилъ въ качествѣ посла къ французскому королю. Мнимаго посланника усадили на почетное мѣсто, т. е. какъ разъ насупротивъ его жены. Онъ тотчасъ же замѣтилъ по ея лицу и грустной улыбкѣ, что она не очень то довольна этой свадьбой, и съ чувствомъ радости смотрѣлъ на нее. Она также нѣсколько разъ взглядывала на него, но была далека отъ истины, потому что новая одежда совершенно преобразила его, а смерть, въ которой никто не сомнѣвался, не оставляла мѣста для надежды.

Мессиръ Торелло, рѣшивъ, что теперь настало время испытать, сохранила ли она о немъ память, надѣлъ на палецъ перстень, который жена дала ему предъ отъѣздомъ, и позвавъ слугу, который ей услуживалъ, сказалъ:

— Ступай и скажи отъ меня новобрачной, что въ моей землѣ существуетъ обычай, когда иностранецъ находится на свадьбѣ, новобрачная, чтобы показать, что она рада гостю, должна послать ему кубокъ полный вина; гость отпиваетъ сколько ему хочется и закрываетъ кубокъ, а новобрачная должна допить остатки.

Слуга исполнилъ это порученіе. Молодая, чтобы показать, что польщена его посѣщеніемъ, тотчасъ же приказала сполоснуть и наполнить виномъ стоящій передъ ней большой кубокъ и послать его гостю. Сказано, сдѣлано. Торелло взявъ въ ротъ полученное отъ жены кольцо и въ то время какъ пилъ вино уронилъ его въ кубокъ такъ, что никто этого не замѣтилъ. Онъ постарался выпить почти все вино, закрылъ кубокъ и отослалъ его новобрачной, которая, слѣдя обычаямъ гостя, открыла его и поднесла къ устамъ.

Увидѣвъ на днѣ кубка кольцо, она съ изумленіемъ осматриваетъ его и узнаетъ, что это то самое, которое она дала мужу предъ его отъѣздомъ. Взявъ кольцо въ руки и устремивъ пристальный взоръ на того, кого она приняла за иностранца, она вдругъ испускаетъ крикъ, вскакиваетъ съ мѣста, опрокидывая стоявшій передъ нею столъ, и какъ безумная бросается къ иноземцу съ возгласомъ:

— Это онъ, мой повелитель, мой настоящій мужъ, мой Торелло!

И не обращая ни на кого вниманія, она кинулась въ объятія рыцаря, не желая оторваться отъ него. Наконецъ, мужъ долженъ былъ ей приказать его оставить, говоря, что у нихъ еще много времени впереди для объятій.

Свадебный пиръ разстроился, но за то всѣ были несказанно рады, удивѣвъ Торелло послѣ того, какъ всѣ уже давно считали его мертвымъ.

Онъ разсказалъ все, что съ нимъ приключилось со дня отъѣзда изъ Павіи и до настоящаго момента и закончилъ свой разсказъ просьбой къ новобрачному, чтобы тотъ не сердился за то, что онъ отнял свою собственную жену, которая вышла вторично замужъ только потому, что считала его умершимъ. Молодой, хотя и весьма смущенный, отвѣчалъ

вполнѣ дружескимъ тономъ, что самъ поступилъ бы такъ же будучи на его мѣстѣ.

Молодая женщина оставила все подарки своего новаго супруга и взявъ кольцо, найденное въ кубкѣ, и корону, посланную Саладиномъ, вышла изъ дома и отправилась къ мессире Торелло со всей торжественной свадебной обстановкой.

Здѣсь родители и друзья, смотрѣвшіе на возвращеніе Торелло какъ на чудо, утѣшались и веселились, устроивъ цѣлый рядъ пировъ и праздниковъ.

Торелло отдалъ часть своихъ драгоценностей тому, кто потратился на свадебный пиръ, часть дядѣ-настоятелю и многимъ другимъ лицамъ. Онъ часто писалъ Саладину о своемъ удачномъ возвращеніи на родину и о счастливой супружеской жизни, увѣряя, что до конца своихъ дней не забудетъ его благодѣяній и будетъ его лучшимъ другомъ.

Послѣ этого онъ много лѣтъ прожилъ въ счастьи со своей прелестной женой, еще болѣе въ нее влюбленный чѣмъ прежде.

Новелла X.

Гризельда.

Маркизь Салуцкій, по настоянію своихъ вассаловъ, рѣшаетъ жениться, но избираетъ супругу по своему вкусу и вступаетъ въ бракъ съ крестьянкой, съ которой приживаетъ двухъ дѣтей. Онъ обманываетъ жену, будто приказываетъ ихъ убить; затѣмъ убѣждаетъ, что она ему наскучила и что онъ женится на другой. Возвращая домой свою дочь онъ выдаетъ ее за новую жену, а Гризельду прогоняетъ въ одной рубашкѣ. Будучи пораженъ смиреніемъ, съ которымъ она переноситъ всѣ невзгоды, онъ показываетъ ей еще больше любви, чѣмъ раньше, отдаетъ ей взрослыхъ дѣтей и вводитъ въ домъ какъ супругу, повелѣвая всѣмъ почитать ее какъ маркизу.

Длинная новелла короля всѣмъ очень понравилась. Когда она была окончена, Діонео со смѣхомъ сказалъ:

Даже простакъ, чайвшій втеченіи цѣлой ночи схватить привидѣніе за хвостъ, не далъ бы двухъ грошей за похвалы, которыя вы распечаете по адресу мессира Торелло.

Зная затѣмъ, что за нимъ осталась послѣдняя очередь, онъ началъ такъ:

— Дорогія дамы! Я вижу, что сегодняшній день былъ посвященъ королямъ, султанамъ и другимъ знатымъ лицамъ. Чтобы не очень удаляться отъ темы, которая, повидимому, вамъ такъ понравилась, я расскажу вамъ про одного маркиза. Но подвиги его отнюдь не отличаются благородствомъ или великодушіемъ, а наоборотъ свидѣтельствуютъ о бессмысленной жестокости, не смотря на то, что она привела къ благополучному концу.

Много лѣтъ тому назадъ проживалъ нѣкто Гвальтіери, маркизь Салуцкій, одинъ изъ самыхъ знатныхъ въ своемъ родѣ. Бездѣтныи вдовецъ — онъ не думалъ ни о вторичной женитьбѣ, ни о продолженіи своего рода и проводилъ время только въ охотѣ и птицеловствѣ.

Подобное поведеніе не могло, конечно, нравиться его вассаламъ, которые умоляли его жениться, чтобы имѣть себѣ наслѣдника, а имъ—государя. Они предлагали подыскать ему невѣсту, происхожденіе, достоинства и добродѣтель которой были бы достойны его и могли бы обезпечить ему счастье.

— Друзья мои!—отвѣчалъ имъ Гвальтѣри,—вы хотите принудить меня совершить то, чего я твердо рѣшился не дѣлать, ибо я хорошо знаю, какъ трудно найти въ женщинѣ всё тѣ достоинства, которыхъ ищешь. Сколько, въ самомъ дѣлѣ, такихъ, которые ошибались въ женщинахъ, и какъ несчастливъ долженъ быть въ жизни человѣкъ, вынужденный жить съ женой, не подходящей къ нему по характеру? Вы жестоко ошибаетесь, если думаете, что о дочеряхъ можно судить по ихъ родителямъ, и если по этому критерию хотите найти мнѣ жену; ибо я не вижу, какимъ образомъ могли бы вы досконально узнать про склонности отцовъ, а тѣмъ болѣе матерей; и если бы даже это вамъ удалось, то развѣ не являются дочери сплошь и рядомъ прямою противоположностью своихъ родителей? Но такъ какъ вамъ во что бы то ни стало хочется поженить меня, я уступаю! Однако, жену я хочу выбрать себѣ самъ, чтобы впослѣдствіи, въ случаѣ неудачнаго брака, ни на кого, кромѣ себя, не пенять; и какова бы ни была та, которую я изберу, вы обязуетесь почитать и уважать ее какъ вашу госпожу, въ противномъ случаѣ вы будете жестоко расквашены въ томъ, что принудили меня жениться противъ воли.

Вассалы отвѣчали, что они согласны на всякія условія, лишь бы только онъ женился.

Незадолго передъ тѣмъ маркизъ обратилъ вниманіе на красоту и добродѣтель одной бѣдной дѣвушки, проживавшей въ сосѣдней деревнѣ. Ему подумалось, что съ этой дѣвушкой онъ могъ бы быть счастливъ, и потому, безъ долгихъ размышленій, онъ рѣшилъ на ней жениться. Онъ призвалъ ея отца, который былъ очень бѣденъ, и объявилъ ему о своемъ рѣшеніи.

Затѣмъ онъ созвалъ своихъ друзей и всѣхъ своихъ вассаловъ и сказалъ имъ:

— Друзья мои, вы хотѣли и хотите, чтобы я женился. Я согласился на это болѣе изъ-за того, чтобы угодить вамъ, чѣмъ изъ желанія имѣть жену. Помните же, что вы обѣщали мнѣ почитать какъ свою госпожу ту, которую я изберу. Я исполнилъ свое обѣщаніе, теперь очередь за вами. Я нашелъ тутъ же, около насъ, дѣвушку, которая мнѣ нравится и на которой, поѣтому, я намѣренъ жениться. Надняхъ я привезу ее, а потому приготовьтесь встрѣтить ее, какъ подобаетъ, дабы исполнить свое обѣщаніе, какъ я исполнилъ свое.

Всѣ съ восторгомъ встрѣтили эту новость и отвѣтили, что какова бы ни была его избранница, они заранѣе признаютъ ее своей госпожей и будутъ почитать и уважать ее какъ таковую.

Послѣ сего маркизь и его вассалы стали готовиться къ почетной встрѣчѣ молодой женщины. Маркизь распорядился устроить блестящій свадебный пиръ и пригласилъ на свадьбу всѣхъ друзей и родственниковъ и большое число сосѣдей-дворянъ.

По одной дѣвушкѣ такого же почти роста какъ его новая жена, онъ приказалъ сшить прекрасныя и дорогія платья, закупилъ брилліантовъ, поясовъ, колець, заказалъ богатый вѣнецъ и все остальное, что требовалось для новобрачной.

Когда наступилъ день свадьбы, маркизь, какъ и всѣ приглашенные, въ девять часовъ утра сѣли на коней.

— Господа, настало время отправиться за новобрачною!—сказалъ маркизь и со всей своей свитой поѣхалъ въ деревню, гдѣ она проживала.

Въ тотъ моментъ, когда они подъѣзжали къ жилищу ея отца, молодая дѣвушка спѣшила домой съ водою, чтобы вмѣстѣ съ другими дѣвушками, успѣть посмотрѣть на выѣздъ новой жены ихъ господина. Какъ только Гвальtierи увидѣлъ дѣвушку, онъ окликнулъ ее — звали ее Гризельдой — и спросилъ, гдѣ ея отецъ.

— Онъ дома, государь!—отвѣтила, застыдившись, дѣвушка.

Тогда маркизь спѣшился и, попросивъ всѣхъ подождать его, вошелъ одинъ въ убогую хижину, гдѣ дѣйствительно и нашелъ отца дѣвушки, Джаннуколо.

— Я пришелъ,—сказалъ онъ ему,—чтобы взять себѣ въ жены твою дочь Гризельду; но прежде я хотѣлъ бы въ твоемъ присутствіи переговорить съ нею.

И онъ спросилъ молодую дѣвушку, будетъ ли она въ случаѣ, если онъ женится на ней, всегда стараться нравиться и повиноваться ему, и сможетъ ли побуждать свои желанія и сохранять хладнокровіе и кротость, чтобы онъ ей ни говорилъ и ни дѣлалъ, и задалъ ей еще много подобныхъ вопросовъ, на которыя она отвѣчала однимъ словомъ—да.

Тогда Гвальtierи взялъ дѣвушку за руку, вывелъ изъ хижины и велѣлъ въ присутствіи всѣхъ раздѣться до нага, потомъ приказалъ принести заготовленную одежды и одѣть въ нихъ дѣвушку, а на ея небранныя волосы надѣлъ драгоцѣнный вѣнецъ. Обернувшись затѣмъ къ изумленнымъ зрителямъ, онъ сказалъ:

— Господа, вотъ та, которую я намѣренъ взять себѣ въ жены, если она согласится стать моею женою.

Обратившись послѣ этого къ дѣвушкѣ, смущенной и безмолвной отъ удивленія и неожиданности, онъ продолжалъ:

— Гризельда, хочешь ли выйти за меня замужъ?

— Да, государь,—отвѣчала ему Гризельда.

— Ну, такъ я хочу взять тебя въ жены.—И онъ тутъ же въ присутствіи собравшихся, обручился съ нею. Затѣмъ ее посадили на коня и съ блестящей свитой проводили въ его дворецъ, гдѣ былъ

устроенъ роскошный свадебный пиръ, словно онъ женился на дочери французскаго короля.

Молодая женщина, перемѣнивъ нарядъ, казалось, измѣнила и привычки и манеры. Она стала такой же любезной и обходительной, какъ была хороша собой, такъ что была скорѣе похожа на дочь знатнаго вельможи, чѣмъ на простую пастушку, дочь бѣдняка Джаннуколо. Всѣ знавшіе ее раньше изумлялись. Кромѣ того, она была такъ послушна и оказывала такое вниманіе мужу, что послѣдній чувствовалъ себя счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Ея кротость и доброта относительно мужа были столь велики, что всѣ безъ исключенія любили ее какъ онъ самъ, уважали ее и молили Бога, чтобы онъ даровалъ ей счастье.

Всѣ вассалы, считавшіе вначалѣ, что онъ не выказалъ большого ума, сдѣлавъ такой выборъ, теперь изумлялись его мудрости и дальновидности, потому что никто кромѣ него не могъ предвидѣть, что столь рѣдкія качества и возвышенныя добродѣтели кроются подъ бѣдной деревенской одеждой. Въ короткое время слава о добродѣтеляхъ и прекрасныхъ поступкахъ молодой маркизы распространилась не только въ его области, но и далеко за ея предѣлами, и заставила всѣхъ измѣнить первоначальное мнѣніе насчетъ легкомысленности выбора Гвальтьери.

Черезъ нѣкоторое время послѣ свадьбы, маркиза забеременѣла и родила дочь въ указанный природой срокъ. Маркизь чрезвычайно обрадовался.

Между тѣмъ вскорѣ ему пришла въ голову мысль, подвергнуть жену долгому испытанію и самыми жестокими мѣрами провѣрить ея долготерпѣніе и кротость. Онъ началъ всячески обижать ее, упрекать за низкое происхожденіе, которое якобы было причиной недовольства его вассаловъ, прибавляя, что родившаяся дочь еще болѣе усилила ропоть, потому что всѣ хотѣли сына. Служая эти слова, Гризельда не перемѣнилась въ лицѣ и не показавъ ни малѣйшаго раздраженія кротко отвѣчала:

— Государь мой, дѣлайте со мной все, что вы найдете желательнымъ въ интересахъ вашей чести. Я буду всѣмъ довольна, потому что знаю, что я ничтожнѣе любого изъ вашихъ подданныхъ и вовсе не достойна той высокой чести, которою вы меня удостоили.

Гвальтьери этотъ отвѣтъ былъ очень приятенъ, такъ какъ убѣдилъ его въ томъ, что почетъ его и вассаловъ не заронилъ въ душѣ молодой женщины гордость.

Но черезъ нѣкоторое время онъ снова заговорилъ съ ней о ненависти, которую вассалы питаютъ къ его дочери и послать къ ней слугителя, давъ ему соотвѣтственныя указанія. Послѣдній явился къ маркизѣ и съ печальнымъ видомъ сказалъ ей:

— Сударыня, я вынужденъ дабы сохранить свою жизнь, исполнить приказаніе маркиза. Онъ приказалъ взять вашу дочь...—тутъ онъ умолкъ.

Молодая женщина, слыша эти слова, видя разстроенное лицо посланнаго и вспомнивъ, что ей говорилъ мужъ, поняла, что онъ далъ приказаніе убить ея дочь. Хотя сердце ея разрывалось на части отъ отчаянія, она тотчасъ же взяла ребенка изъ колыбели и благословивъ его передала на руки посланному, сказавъ:

— Возьми ее и сдѣлай то, что тебѣ приказалъ твой и мой господинъ. Прошу тебя только объ одномъ: не оставляй малютку на растерзаніе дикимъ звѣрямъ и хищнымъ птицамъ, если только онъ тебѣ не приказывалъ этого.

Слуга взявъ дѣвочку и передалъ маркизу слова его жены. Тотъ изумился твердости и покорности молодой женщины. Затѣмъ онъ съ тѣмъ же служителемъ отправилъ ребенка въ Болонью къ одной родственницѣ, приказавъ ей заботиться и воспитывать дѣвочку, окруживъ ее наилучшимъ уходомъ, но не рассказывая никому, чья она дочь.

Черезъ нѣкоторое время Гризельда родила сына, что привело въ восторгъ маркиза. Но ему все еще было мало тѣхъ страданій, которыя онъ причинилъ несчастной женщинѣ: онъ рѣшилъ подвергнуть ее еще болѣе ужаснымъ терзаніямъ и сказалъ ей однажды, принявъ раздраженный видъ.

— Съ тѣхъ поръ какъ явился на свѣтъ этотъ мальчикъ, я не могу жить въ добромъ согласіи съ моими вассалами, настолько они возмущены тѣмъ, что внукъ простаго крестьянина долженъ послѣ меня сдѣлаться ихъ господиномъ. Чтобы не доводить ихъ гнѣва до того, чтобы меня изгнали изъ страны, я долженъ сдѣлать съ твоимъ сыномъ то же, что сдѣлалъ съ дочерью, и, кромѣ того, прогнать тебя и жениться на другой.

Бѣдная Гризельда терпѣливо выслушавъ его сказала всего нѣсколько словъ:

— Не беспокойтесь обо мнѣ, государь; дѣлайте что угодно, лишь бы вы были довольны, въ моей души живетъ лишь одно желаніе дѣлать вамъ пріятное.

Вскорѣ послѣ этого Гвальтиери приказалъ поступить со своимъ сыномъ, какъ раньше сдѣлалъ съ дочерью и, сдѣлавъ видъ будто распорядился его убить, онъ отправилъ мальчика въ Болонью туда же, гдѣ была его сестра. Гризельда перенесла это новое несчастіе съ такою же непоколебимой кротостью какъ и прежнія. Маркизь былъ пораженъ и убѣдился, что ни одна женщина не поступила бы такъ, будучи на мѣстѣ Гризельды. Онъ принялъ бы эту твердость за равнодушіе, если бы не зналъ, какъ сильно она любила дѣтей.

Вассалы, думая, что онъ дѣйствительно убиваетъ своихъ дѣтей, пришли въ негодованіе и считали его бездушнымъ тираномъ, маркизу же жалѣли до глубины души. Не смотря на выраженіе сожалѣнія и слова утѣшенія окружавшихъ ее женщинъ, она никогда имъ не жаловалась и постоянно повторяла:

— Такова была воля ихъ отца.

Прошло нѣсколько лѣтъ и Гвальтиери рѣшилъ, что наступилъ моментъ подвергнуть жену послѣднему испытанію. Онъ заявилъ своимъ роднымъ, что не хочетъ больше, чтобы Гризельда оставалась его женой, и что онъ теперь только понялъ что его женитба была легкомысленной юношеской оплошностью, и поэтому хочетъ попросить у папы разрѣшенія жениться на другой и расторгнуть бракъ, столь безумно заключенный. Многіе честные люди горячо упрекали его и отговаривали, но все было напрасно: онъ имъ отвѣтилъ, что будетъ такъ, какъ онъ рѣшилъ.

Гризельда, узнавши объ этомъ, поняла, что ей придется вернуться въ домъ отца, чтобы пасти тамъ овецъ. Эти размышленія, равно какъ и мысль, что другая женщина овладѣетъ сердцемъ челоуѣка, котораго она такъ глубоко любила, причиняли ей невыразимыя страданія, тѣмъ не менѣе она рѣшила перенести и этотъ несправедливый ударъ судьбы съ такой же покорностью, какъ и прежде.

Вскорѣ послѣ этого маркизь приказалъ доставить изъ Рима разрѣшеніе, имъ самимъ поддѣланное, и сообщилъ вассаламъ, что папа позволяетъ ему развестись съ Гризельдой и жениться на другой. Затѣмъ онъ призвалъ ее и въ присутствіи многихъ приближенныхъ сказалъ:

— Жена, съ разрѣшенія нашего святого отца я могу тебя покинуть и жениться на другой. Мои предки были знатными людьми, владѣльцами той области, гдѣ твои были простыми работниками, и я не желаю больше, чтобы ты была моей женой. Поэтому, возвращайся домой къ своему отцу вмѣстѣ съ приданнымъ, которое ты мнѣ принесла. Я нашелъ другую жену, которая мнѣ гораздо больше подходитъ.

Гризельда, выслушавъ эти жестокія слова, съ большимъ трудомъ сдержала слезы и отвѣтила такъ:

— Государь! Я всегда отлично сознавала громадную пропасть между вашей знатностью и моимъ низкимъ происхожденіемъ. На то, чѣмъ я для васъ была, я всегда смотрѣла, какъ на исключительную милость провидѣнія и вашу, а вовсе не какъ на обстоятельство достойное меня. Такъ какъ вамъ теперь угодно взять ее отъ меня, то я должна возвратить временно принадлежащее мнѣ съ покорностью. Вотъ кольцо, которымъ вы обручились со мной, возьмите его. Что касается моего приданнаго, то для того, чтобы взять его мнѣ не понадобится ни ящичковъ ни кошельковъ: я не забыла, что вы взяли меня совѣмъ голою, и если вы найдете для себя приличнымъ, чтобы тѣло, которое носило двухъ вашихъ дѣтей, было открыто для всѣхъ глазъ,—я вернусь къ отцу нагая. Но въ награду за дѣвственность, которую я вамъ принесла и которую не могу возвратитъ, дозвольте, чтобы я ушла хотя бы въ одной сорочкѣ.

Маркизь былъ сильно растроганъ, но желая довести свое намѣреніе до конца, отвѣчалъ съ суровымъ лицомъ:

— Хорошо, возьми рубашку!

Всѣ присутствовавшіе при этой сценѣ умоляли маркиза дать ей по крайней мѣрѣ платьѣ, дабы никто не увидѣлъ въ такомъ несчастномъ состояніи ту самую женщину, которая втеченіи тринадцати лѣтъ пользовалась титуломъ и правами своего мужа, но ихъ мольбы были напрасны.

И вотъ несчастная женщина, простившись со всѣми, вышла изъ замка въ одной сорочкѣ, босая съ непокрытой головой, и отправилась въ хижину своего отца.

Всѣ встрѣчавшіе ее по дорогѣ въ такомъ жалкомъ видѣ выражали ей сочувствіе, а многіе рыдали. Несчастный отецъ, никогда не представлявшій себѣ, что его дочь можетъ сдѣлаться женою маркиза, всегда

опасался, что она вернется, и сохранилъ всѣ платья, которыя она носила въ то утро, когда Гвальтѣри женился на ней. И вотъ онъ принесъ эту бѣдную одежду, она одѣлась и принялась какъ въ дни молодости за домашнія работы, перенося съ удивительной покорностью удары жестокой судьбы.

Вскорѣ послѣ этого Гвальтѣри извѣстилъ вассаловъ, что собирается жениться на дочери одного изъ князей Пагано. Онъ велѣлъ сдѣлать всѣ приготовления для пышной свадьбы и позвать Гризельду. Когда она пришла, онъ сказалъ ей:

— Новая избранная мною супруга должна на дняхъ прѣхать. Я хочу встрѣтить ее съ честью. Ты знаешь, что здѣсь никого нѣтъ, кто

сумѣлъ бы такъ хорошо, какъ ты убрать комнаты и приготовить все необходимое для такого случая. Ты знаешь лучше всѣхъ обстановку и хозяйство этого дома, устрой все какъ слѣдуетъ, пригласи всѣхъ знакомыхъ дамъ, которыхъ ты нашла бы необходимымъ пригласить, и прими ихъ какъ будто ты была хозяйкой дома. Послѣ свадьбы ты можешь возвратиться къ отцу.

Слова эти вонзались въ сердце Гризельды какъ жало змѣи; хотя она не забыла любви своей къ этому человѣку, какъ забыла бывшее счастье, однако она отвѣтила только слѣдующее:

— Государь! Я готова сдѣлать все, что вы прикажете!

И она вошла въ бѣдной крестьянской одеждѣ въ тотъ домъ, изъ котораго недавно вышла въ одной сорочкѣ, принялась мыть и чистить комнаты; убрала стѣны тканями, постлала ковры, привела въ порядокъ кухню, словомъ, работала какъ простая служанка и не перестала хлопотать, пока не устроила все какъ слѣдуетъ. Затѣмъ она пригласила отъ имени маркиза всѣхъ окрестныхъ дамъ и стала ждать дня, назначеннаго для свадебнаго пира. Когда онъ наступилъ, она приняла въ своей деревенской одеждѣ всѣхъ приглашенныхъ съ веселымъ и кроткимъ лицомъ.

Маркизь отдалъ своихъ дѣтей на воспитаніе въ Болонью къ одной родственницѣ, бывшей замужемъ за графомъ ди-Пагано. Дочери было уже двѣнадцать лѣтъ, это была дивная красавица; мальчику было около шести лѣтъ. Гвальтиери послалъ гонца къ родственнику съ просьбой пріѣхать въ Солуццо съ обоими дѣтьми и привести съ собой пріятныхъ и почетныхъ гостей. Кромѣ того, онъ приказалъ сказать всѣмъ, что молодая дѣвушка ѣдетъ, чтобы выйти замужъ за маркиза, но никому не выдавать тайны ея происхожденія. Рыцарь, исполняя приказъ маркиза, тотчасъ же уѣхалъ съ молодой дѣвушкой и ея братомъ и прибылъ въ Солуццо въ сопровожденіи большого общества въ обѣдненный часъ. По дорогѣ онъ встрѣтилъ мѣстныхъ и окрестныхъ крестьянъ, собравшихся, чтобы взглянуть на новую супругу маркиза.

Дѣвушку встрѣтили и привѣтствовали приглашенные дамы; въ столовой ей навстрѣчу вышла Гризельда въ своемъ бѣдномъ нарядѣ и привѣтствовала ее словами:

— Добро пожаловать, сударыня!

Дамы долго, но тицетно просили маркиза, чтобы онъ позволилъ несчастной Гризельдѣ оставаться въ другой комнатѣ или далъ ей одно изъ ея бывшихъ платьевъ, чтобы избавить ее отъ стыда предстать передъ чужими на половину одѣтой. Съли за столъ и обѣдъ начался. Молодая дѣвушка была предметомъ всеобщаго вниманія; въ особенности, Гризельда любовалась молодой, раздѣляя свои симпатіи между нею и маленькимъ братомъ.

Маркизь, видя, что даже послѣдній фактъ не сломилъ покорности жены и что ея терпѣливость отнюдь не происходитъ отъ тупоумія, рѣ-

шилъ, наконецъ, что пора прекратить эти жестокия испытанія. И вотъ, подозвавъ жену, онъ въ присутствіи всѣхъ гостей спросилъ ее:

— Какъ ты находишь мою новую супругу?

— Государь, — отвѣчала Гризельда, — я нахожу ее прелестной, и если она, въ чемъ я увѣрена, такъ же умна, какъ очаровательна, то я не сомнѣваюсь, что вы будете съ ней счастливѣйшимъ человѣкомъ въ мірѣ. Но, если позволите, я попрошу у васъ объ одной милости: не удручайте ее тѣми упреками, какіе вы дѣлали вашей первой женѣ, потому что, мнѣ кажется, она врядъ ли ихъ перенесетъ, примите во вниманіе, что она такъ молода и такъ нѣжно воспитана, между тѣмъ какъ первая жена съ дѣтства закалила свой нравъ, проводя жизнь въ трудѣ и заботахъ.

Маркизь, видя, что Гризельда безусловно убѣждена, что молодая дѣвушка станетъ его женой, усадилъ Гризельду рядомъ съ собой и сказалъ:

— Гризельда, пришло, наконецъ, время тебѣ воспользоваться плодами твоего долготерпѣнія, и пусть тѣ, которые считали меня человѣкомъ злымъ, жестокимъ и несправедливымъ, знаютъ, что все, что я дѣлалъ, велось съ опредѣленнымъ намѣреніемъ сдѣлать изъ тебя хорошую жену и научить другихъ тебя уважать; вмѣстѣ съ тѣмъ я хотѣлъ обезпечить себѣ самому прочный покой, пока буду жить съ тобой. Когда я женился, то очень опасался, что не достигну этого, а теперь я убѣдился, что найду съ тобой то счастье, какого желалъ. Чтобы начать испытаніе, ты знаешь, какимъ образомъ я тебя мучилъ и какими обидными, несправедливыми словами тебя оскорблялъ. Но такъ какъ ты за все мои слова и поступки платила терпѣніемъ и кротостью, я хочу въ одинъ часъ вернуть тебѣ все то, что отнял у тебя давно, и нѣжностью и уваженіемъ изгладить дурное обращеніе и нанесенныя тебѣ обиды. Будь счастлива и обними эту молодую дѣвушку, которую ты принимала за мою супругу, и ея брата, потому что это твои и мои дѣти, тѣ самыя, которыхъ ты и многіе другіе считали безчеловѣчно загубленными мною. Я твой мужъ, люблю тебя больше всего на свѣтѣ и увѣренъ, что нѣтъ въ мірѣ мужа, который былъ бы такъ счастливъ со своей женой!

Послѣ этихъ словъ онъ ее нѣжно обнялъ и они подошли раздѣловать своихъ дѣтей. Молодая дѣвушка и всѣ присутствовавшіе вздохнули свободно, какъ будто бы съ ихъ души спала огромная тяжесть. Гризельда же плакала отъ счастья.

Дамы встали въ радостномъ настроеніи со стола и повели Гризельду въ отдѣльную комнату, гдѣ сняли съ нея бѣдную одежду и надѣли роскошный нарядъ. Затѣмъ онѣ ввели ее въ залу, какъ хозяйку дома. Счастливая женщина расточала тысячи ласкъ своимъ дѣтямъ, всѣ были счастливы. Начался пиръ, который продолжался нѣсколько дней подъ-рцдъ.

Всѣ говорили, что Гвальтиери поступилъ мудро и разсудительно, хотя не могли не признать, что способы испытанія жены были слишкомъ жестоки и продолжительны. Но особы похвалы выпали, конечно, на долю Гризельды, мудростью и добродѣтелью которой всѣ восхищались.

Графъ Пагано уѣхалъ вскорѣ послѣ этого въ Болонью. Маркизь избавилъ Джаннуколо, отца жены, отъ бѣдности и далъ ему возможность въ спокойствіи и довольствѣ доживать свои дни. Черезъ нѣкоторое время онъ выдалъ дочь замужъ за благороднаго человѣка и долгіе годы счастливо прожилъ съ Гризельдой, всегда оказывая ей заслуженное уваженіе и любовь.

Какой выводъ можно сдѣлать изъ этой исторіи? Развѣ только то, что высшій духъ можетъ обитать иногда въ нищихъ хижинахъ, точно такъ же, какъ въ дворцахъ могутъ родиться существа достойныя скорѣе пасти свиней, чѣмъ властвовать надъ людьми. Кто другой, кромѣ Гризельды, могъ выносить не только спокойно, но даже съ кротостью неслыханныя оскорбленія и жестокости, которымъ она была подвержена? Счастье Гвальтиери, что судьба послала ему Гризельду, между тѣмъ какъ онъ заслужилъ имѣть такую жену, которая, если бы ее выгнать изъ дома въ одной сорочкѣ, сумѣла бы постоять за себя и если бы и ушла, то во всякомъ случаѣ въ богатомъ платьѣ.

Когда Діонео кончилъ свой разсказъ, дамы тотчасъ же стали высказывать свои мнѣнія относительно Гвальтиери и Гризельды. Между тѣмъ король, взглянувъ на небо и видя, что солнце уже склоняется къ западу, обратился, не вставая съ мѣста, къ обществу съ такою рѣчью:

— Любезнѣйшія дамы! Умъ смертныхъ, какъ вамъ, должно быть, извѣстно, состоитъ не только въ томъ, чтобы помнить прошлое и знать настоящее; и тѣ, которые на основаніи одного и другого умѣютъ предвидѣть будущее, почитаются мудрецами.

Завтра минетъ двѣ недѣли, какъ мы покинули Флоренцію, чтобы найти развлеченіе и отдыхъ, сохранить наше здоровье, а быть можетъ и жизнь и избѣгнуть зрѣлища несчастья и ужаса, разыгравшагося въ нашемъ городѣ со времени возникновенія губельной чумы. Задуманный нами планъ исполненъ, какъ мнѣ кажется, вполне удачно. Пусть наши новеллы были иногда слишкомъ свободны и способны, быть можетъ, вызвать сладострастные вожделѣнія, а наши игры, пѣсни и шутки могли породить болѣе сладкія и двусмысленныя стремленія, но я не замѣтилъ ни съ вашей, ни съ нашей стороны ни въ словахъ, ни въ дѣйствіяхъ ничего, достойнаго порицанія.

Среди насъ царили добрые нравы, согласіе и настоящее братство, что доставляло мнѣ огромное удовольствіе, какъ съ вашей, такъ и съ

нашей точки зрѣнія. Но во избѣжаніе того, чтобы слишкомъ продолжительная совмѣстная жизнь не породила бы разногласій и споровъ и чтобы наше долгое пребываніе здѣсь не было бы истолковано въ дурную сторону, я того мнѣнія, если вы со мной согласитесь, что намъ пора вернуться туда, откуда мы пришли, тѣмъ болѣе, что каждый изъ насъ, и я въ послѣднюю очередь, вкусили плоды власти. О нашемъ обществѣ уже знаютъ всѣ сосѣди, и вѣсть эта можетъ распространиться до нежелательныхъ предѣловъ. Вотъ почему мой совѣтъ, чтобы мы завтра отправились по домамъ, а до того времени я сохраняю за собой корону. Въ случаѣ же, если вы на это не согласны, я готовъ передать ее на завтра кому-нибудь другому.

Молодые дамы и кавалеры обсуждали предложеніе короля, которое въ концѣ концовъ было принято, какъ наиболѣе приличное и разумное. Послѣ этого король позвалъ управляющаго, и давъ ему распоряженія на слѣдующій день, всталъ и распустилъ общество. Дамы и молодые люди поднялись съ мѣстъ и предались по обыкновенію различнымъ развлеченіямъ. Когда наступилъ часъ ужина, всѣ собрались къ столу, весело и съ апетитомъ поужинали, а затѣмъ стали пѣть, играть и танцевать. Въ то время, когда Лауретта плясала, король приказалъ Фиаметтѣ сѣсть что-нибудь, и она начала такъ:

Ахъ, если бы сердце полюбить могло,
Не зная ревности мученій,
Клянусь, я счастлива была бы
И лучшей доли не желала.

* * *

Въ рыцарѣ, любимомъ мною,
Совмѣщены всѣ качества души и тѣла:
И молодость, цвѣтущая, какъ роза,
И добродѣтели, и мудрость зрѣлаго мужчины,
И сила мощная и беззавѣтная отвага,
И краснорѣчье и къ ближнему любовь.

* * *

Но ревности холодная змѣя
Съ любовью вмѣстѣ въ сердцѣ пріютилась.
И видя женщинъ прекраснѣе меня
Я трепещу и жду всѣ бѣды роковыя.
Тоска гнететъ и мучить,
Сомнѣнія въ душѣ моей рождая:
„А что, коль тотъ, кому я жизнь отдала,
Покажется другимъ еще милѣе?..“

* * *

Когда бы твердо я увѣрена была,
Что мой кумиръ останется моимъ до гроба...
Но вѣрность женщины, быть можетъ, для него
Неужное, излишнее убранство.

* * *

Но какъ мнѣ вѣрить и не ревновать,
 Когда такъ часто вижу, какъ беззаботно и легко
 Обманываютъ насъ коварные мужья.
 Нѣтъ, лучше смерть, въ могилу легче лечь,
 Чѣмъ уступить другой того, кто сердцу дорогъ.
 А сердце все щемить мучительно и больно.

* * *

Храни ту женщину Господь всечасно,
 Которая мнѣ рану нанести захочетъ
 Словами, лаской, или красотой
 Прельстить она его задумываетъ,—
 Узнаю все равно и горе ей.
 Пусть лучше въ море бросится,
 Чѣмъ рвать любви моей цвѣты!
 Клянуся, дорого она заплатитъ
 Мнѣ за измѣну друга моего.

Когда Фиаметта кончила, было уже поздно и всѣ отправились по повелѣнію короля на покой.

На другой день съ разсвѣтомъ всѣ встали и отправились, вслѣдъ за королемъ, во Флоренцію. Здѣсь молодые люди проводили дамъ въ церковь св. Маріи. Послѣ этого всѣ, пожелавъ другъ другу всего хорошаго и распростившись, разошлись по домамъ.

